

Елена Рожнова

Улыбка с глазами печали

Елена Рожнова

Улыбка с глазами печали

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837847

SelfPub; 2020

Аннотация

Молодая студентка в начале 90-х годов случайно оказывается свидетельницей происшествия – человека выбрасывают с поезда. Она спасает его. Влюбляется. Но волею судьбы они расстаются. В 2000-е годы судьба снова сводит их вместе. Но оба героя сильно изменились за это время. Он стал крупным бизнесменом. Она референт руководителя небольшой коммерческой фирмы в областном центре, посвятившая свою жизнь гражданскому мужу-инвалиду. Что такое любовь – благодарность, привязанность, самопожертвование, страсть? Главной героине придется выбирать.

День начался как обычно – с телефонного звонка шефу. Выдав ему информацию по распорядку дня на сегодня, и выслушав ежедневную порцию распоряжений, я с готовностью к трудовым подвигам внесла всю информацию в ежедневник, улыбнулась в светящийся, оскаленной пастью пантеры, монитор и отправилась на офисную кухню выпить традиционную чашку кофе. Кофе я предпочитаю «Карт нор», это единственный и самый лучший из растворимых сортов, который предпочитает весь наш офис. Конечно, у нас есть прекрасный, но слегка громоздкий кофейный аппарат, приобретенный в давние времена за приличную сумму, но в настоящее время мало кто пользуется им. То ли народ экономит время на приготовлении кофе, то ли просто предпочитает выпить чашечку «Карт нор». Я работаю в этой компании уже 3 года и можно сказать, что практически живу проблемами компании. У нас самый обычный офис, каких тысячи в нашей стране, со своими интригами, со своими звездами и вечными аутсайдерами. А я самый обычный помощник директора. С директором мы сработались. Он доверяет мне многое, когда считает это нужным. Я прекрасно к нему отношусь и искренне восхищаюсь его талантами.

К своим обязанностям я отношусь ответственно, а может быть даже чересчур, из-за чего и страдаю. Обязанности все прибавляются и прибавляются. А я, как в старые добрые комсомольские времена, (которые, я не застала совсем немного) с еще большим энтузиазмом принимаюсь за их ис-

полнение.

К приезду в офис шефа, половина дел уже была переделана, остались лишь выездные дела. Отдав несколько распоряжений секретарю, я уже собралась выехать по намеченному на сегодня маршруту, как в офис ворвался шеф и позвал меня к себе в кабинет. По его воодушевленному, но несколько озабоченному виду я поняла, что намечается какое-то серьезное событие.

– Садись – обычно, присесть не предлагалось, – К нам сегодня в город приезжает один очень крупный бизнесмен. Будет он в городе только один день. Отмени на сегодня все встречи, и мои и свои. Я сегодня буду добиваться встречи с ним.

– Мне нужно будет поехать с вами?

– Нет, думаю не надо. Но если я договорюсь с ним о встрече, я приглашу его в наш офис. Ты должна подготовить несколько презентаций к встрече с ним.

– Шеф, но это не реально. Ведь не известно еще, во сколько состоится встреча, а на подготовку этих презентаций необходимо минимум три дня.

– Считай, что у тебя максимум два часа. Все иди. Не укорачивай самой себе время.

– Шеф, вы не сказали кто этот человек.

– Тебе ничего не скажет это имя. Он человек не публичный. Иди.

Ну что ж, решение принято. Надо идти исполнять. Вре-

мени действительно было мало. Шеф сам уехал из офиса в крайнем волнении. Значит, ему на самом деле важна эта встреча. Мой шеф считается одним из крупных бизнесменов нашего города, вполне возможно, что гость довольно скоро согласится на встречу с ним. Мой шеф из тех, кто сделал себя сам. Выросший в обычной рабочей семье, он, благодаря своему уму, находчивости и оборотливости, вовремя сумел сориентироваться в меняющейся экономической и политической ситуации в стране в конце 80-х и начал предпринимательскую деятельность, создав кооператив. Конечно, дело не продвигалось без потерь, иногда даже, говорят, Виталий Андреевич был на грани разорения, но... мой шеф выстоял, и смог даже крепко встать на ноги. Как говорится, в бизнесе одним из удачных основополагающих факторов является установление личных дружеских взаимоотношений. Так вот, мой шеф так преуспел в этом, что почти все его деловые партнеры, а зачастую и власть имущие, стали личными друзьями. Не проходило ни одного выходного дня, который бы он проводил со своей семьей: то он на рыбалке с партнерами – рыболовами-любителями, то на охоте с охотниками, то едет в горы с лыжниками, в общем, вся жизнь в движении. И это несмотря на его 120 килограмм чистого веса при росте 165 сантиметров. Вот такой вот мой шеф колобок, точнее говоря, энеджерджайзеровский мячик. Иногда он похож на большой снежный ком, катящийся с горы на тебя, иногда на толстого капризного ребенка. Но как бы не подшучива-

ли над ним сотрудники и друзья, Виталий Андреевич всегда отличался умом, изворотливостью и способностью выходить сухим из воды. И я, как и многие другие сотрудники, всегда уважала его за ум, такт и понимание. Поэтому, все к его просьбам и приказам относились ответственно.

Вот и сейчас, я решила, что если сконцентрироваться и поднапрячься, то все смогу. И не таких гостей переживали. В тот момент я даже не предполагала, какой сюрприз преподнесет мне этот день.

Шеф позвонил через 4 часа. К этому времени, я уже практически все подготовила, но сама пребывала в крайнем волнении. Дело в том, что я привыкла все делать качественно, и сильно сомневалась в идеальности подготовленных презентаций за столь короткое время.

Слава богу, материалом я владела хорошо, поэтому была настроена решительно. Хотя и не знала, даст ли мне шеф слово при показе презентаций.

– Он согласился. Мы выезжаем через 15 минут. У нас пол часа. За это время мы должны доказать ему, что можем стать прекрасными партнерами. У тебя все готово?

– Практически да. Сейчас распечатаю. Электронная версия уже на вашем компьютере.

– Отлично. Пусть в офисе все будет идеально.

– Мы все уже готовы, шеф.

Да, шеф прав. На самом деле, надо пройтись, посмотреть, не стоят ли на столах сотрудников грязные чашки, на месте

ли охрана, не толпится ли перед входом офисный народ с очередным перекуром. Гость должен увидеть рабочий энтузиазм наших сотрудников, а не праздное времяпрепровождение под предлогом жаркого летнего дня. Ну вот, я так и знала, у менеджеров по всему столу разбросаны бумаги, поверх них лежат несколько женских и автомобильных журналов, для чашки чая видать не нашлось пустого места, поэтому она стоит на ежедневнике. А самих менеджеров в кабинете не наблюдается. Так. Охрана как всегда о чем-то щебечет по мобильному телефону на любовную тему. Менеджеры курят на улице, то и дело, выкидывая окурки мимо урны. Они беседуют о своих высоких материях и на такие мелочи не обращают обычно внимания. Одна бухгалтерия дисциплинированно сидит перед своими компьютерами. Несмотря ни на что, к намеченному времени порядок в офисе был восстановлен, сотрудники проинструктированы и теперь прилежно всматривались в экраны своих мониторов, создавая обычную рабочую обстановку.

Вскоре шеф с гостем приехали. Быстро прошли в шефский кабинет. Гостя я успела увидеть только со спины. Прошло уже пять минут. Шеф успел заказать секретарю Насте два кофе. А меня все не звал. Через пятнадцать минут, я с облегчением вздохнула и решила, что все обойдется без моего участия. Шеф и сам может прекрасно преподнести презентацию. Тем более что гость не иностранный. Знание языков не нужно. А я к своей гордости хочу заметить, владею

основными европейскими языками: английским, немецким и французским.

Однако телефон мой зазвонил и на табло высветился внутренний номер шефа. Короткое слово – Зайди. Вздохнув, я взяла в руки распечатанные презентации и направилась в кабинет шефа. Войдя, автоматически произнесла слова приветствия и тут увидела гостя. Точнее, в упор смотрящие на меня, его глаза.

Не стало сил ни двинуться, ни отвести взгляд. Мир стал сужаться и расширяться, мне не стало хватать воздуха. Сколько времени я так простояла, не знаю. Но, чудовищным усилием воли, я взяла себя в руки и посмотрела на гостя. Гость уже на меня не смотрел, а спокойно сидел, слегка помешивая свой кофе. Ошибиться я не могла. Это был он.

* * *

В свои веселые студенческие годы, я понятия не имела, что на дворе страшные девяностые, что идет передел собственности, бандитские войны. Зато с удовольствием училась в институте, старалась прожить на скудную стипендию, ходила с подругами на студенческие дискотеки и радовалась жизни. Жила я в общежитии в компании двоих подруг. Родителей у меня не было. До тринадцати лет я росла в детдоме, а потом после весьма печальных событий, детдомовский сторож нашел моих дальних родственников в городе N. С родственниками мне повезло. Тетя Рая, дальняя родствен-

ница моей матери приняла меня как родную. До окончания школы я прожила у них.

Но у них и без меня было не мало хлопот. В двухкомнатной «хрущевке» тетя Рая жила вместе с двумя детьми, пьяницей мужем и его престарелой матерью. Со свекровью тете Рае повезло.

Она вела себя мирно, во всем стараясь помочь семье своего непутевого сына. Они были добры ко мне, но им было тяжело и я это, слава богу, понимала. После окончания школы, я поступила в институт на факультет иностранных языков. В порыве душевной доброты, тетя Рая предложила мне пожить в пригороде, где у них имелся старейший деревянный дом, окруженный таким же старым и заросшим садом, и даже отдала мне от него ключи. Я с благодарностью приняла их, понимая, однако, что вряд ли там буду жить. Слишком далеко добираться до института, да и скучно будет там одной. Но, несмотря на это, добросовестно съездила туда с тетей Раей, осмотрела дом и познакомилась с соседями. В соседнем доме жила милая старушка – тетя Мила. Маленькая, худощавая и глухая на одно ухо. Поэтому при разговоре с ней, тетя Рая все время примеривалась к одному, торчащему из под платка, правому уху. Тетя Мила держала козу и обещала каждый день поить меня козьим молоком. Желание не оставаться здесь еще больше укрепилось во мне, так как я с детства не люблю козьего молока. С другой стороны два соседних дома пустовали. В доме напротив жил вечно пьяный

дядя Коля. Бывший тракторист и, вообще, по рассказам тети Раи, мастер на все руки. Если ему поставить пол-литра, то тебе и крышу починит, и огород перекопает, и печку выложит. Тетя Рая пожаловалась, что давно не приезжала сюда, дом совсем осиротел. За домом нужен присмотр, печку надо топить, да и дров то вона сколько. Перспектива жить здесь меня угнетала. Поэтому, вернувшись в город, я первым делом устроилась жить в общежитие и благополучно забыла об этом доме.

* * *

В тот день, не переставая, лил дождь. У меня было назначено свидание с парнем, с которым я познакомилась на прошедшей накануне, дискотеке. Поэтому, несмотря на дождь, я надела свои лучшие туфли (благо выбирать не приходилось, их у меня всего было две пары), подруга одолжила свой красивый легкий плащ, взяла зонт и пошла на свидание. Подруги, посмеиваясь, напутствовали проявить благоразумие по отношению к парню, так как считали меня сердцежкой. До сих пор удивляюсь, на чем основывалось их мнение, в то время, я даже не знала мужчину.

Пришла я на свидание неприлично вовремя – ровно в назначенное время. Молодого человека по имени Борис поблизости не наблюдалось. Мне стало неловко. Ведь в одном журнале я успела прочитать, что девушки обычно на свидание опаздывают, и практически это уже считается хорошим тоном. Борис, однако, вскоре появился. Он был, мягко говоря,

нетрезв. Долго просил прощения за свое состояние.

– Ты мне так понравилась вчера. Ты такая... такая... Я очень стеснялся идти на свидание. Пошел посоветоваться к другу. Он уговорил меня пойти и вот я здесь. Ты не думай. Я не пьющий. Просто я очень переживал перед свиданием.

Конечно, я все понимала. Конечно, я его извинила. Однако сама извинилась, сказала, что прибежала только сообщить, что мне срочно надо уехать к родителям и ушла, поцеловав на прощанье парня в щеку.

Да, я была очень расстроена. Поэтому вместо того, чтобы пойти назад в общежитие, я отправилась гулять в надвигающиеся сумерки.

Я шла долго, не обращая внимания, куда иду, злясь на Бориса и жалея себя. Пару раз неосторожно наступила в грязную лужу, ноги намокли. Ветер усилился, зонт начал вырываться из моих рук, стремясь улететь в высь. Вдруг я поняла, что давно уже перестала встречать прохожих на тротуаре и с беспокойством оглянулась вокруг. Я дошла не до самого лучшего места в городе. С одной стороны дороги страшными уродливыми глыбами высились старые развалины домов. Место напоминало город начала века после бомбежки. Приют бомжей и крыс. Хотя, наверное, даже бомжи не станут здесь искать себе убежище. Мне стало не по себе. Повернулась, чтобы вернуться назад и увидела метрах в двухстах толпу мужчин, выходящих из какого-то дома. Решила не пересекаться с ними, свернула в подворотню и спряталась

за угол дома. От зловонного запаха тлеющего мусора невозможно было дышать. Зажав пальцами нос, я решила уйти с этого двора через разрушенную стену в противоположном конце. Перепрыгивая через разбросанный мусор, битое стекло и грязные лужи, я добралась до стены и выбралась наружу. Однако радость моя была преждевременной. Передо мной была заросшая бурьяном свалка, а за ней поднималась насыпь железной дороги. Дождь усилился, ветер рвал зонт из рук, периодически выворачивая его наизнанку. «Пропащий вечер» – подумала я, решив обогнуть развалины вдоль железнодорожной линии. «Куда черти меня занесли».

Пока я перебиралась через свалку к железной дороге, слышала шум приближающегося поезда. Несколько сот метров направо и это безобразие закончится. Я уже видела впереди ряд «хрущевок», которые огибала насыпь. Значит, идя вдоль насыпи, я должна выйти прямо к ним. И здесь опасно. Поезд грохотал уже надо мной, я шла, неловко переступая по камням. Слава богу, что каблуки не высокие. Иначе поломала бы не только их, но и ноги. Вдруг, впереди меня вылетела из вагона и покатила по насыпи какая то большая штука. То ли мешок, то ли ... Поезд ушел, и сквозь дождь я слышала стон. Да, конечно, это был не мешок. Но как я испугалась тогда, как я не хотела идти дальше. А как же человеколюбие, помощь ближнему пострадавшему, спросите вы? Да.... Ну, в общем, я все же подошла к нему. На боку, скрючившись, лежал мужчина.

– Эй, вы живы?

– М-м-м.

– И зачем вы прыгнули с поезда? Встать можете?

Человек что-то прошептал, но я ничего не поняла. Попыталась поднять его, не смогла, он был слишком тяжелый.

– Помоги...

– Что? Я и пытаюсь помочь. Что с вами такое случилось?

Ну, давайте, помогите мне, ну поднимайтесь на ноги.

Зонт мне ужасно мешал. Человек тяжело дышал. Он не был пьян. Испуг мой прошел, и теперь я, почему-то, решила, во что бы то ни стало помочь ему. Отшвырнув зонт, я повалила его на спину, ухватилась за плечики куртки и потащила. Потащила прямо по грязи, надрываясь от тяжести, чертыхаясь на свалившегося из поезда мужика и дождь. Тащила, и не могла понять, почему он не может сам встать.

– Эй, вы что, ногу сломали?

Одно мычание в ответ. Дотащила его до дерева, попыталась посадить. Не смогла. Силы не те. До дороги осталось метров пятьдесят. Куда его теперь?

– Помоги.

– Что? – что-то сказал, а я не успела понять.

Все этот ветер и дождь. Я сама уже вымокла насквозь.

– Помоги. В больницу нельзя.

– В больницу нельзя? Что же делать мне с тобой. В общежитие привести я тебя не могу. Может, все же я добегу до автомата, вызову скорую помощь?

– Нет. У меня огнестрел.

– Что? Какой стрел? – чтобы услышать слова, мне приходилось наклоняться к его губам.

– Огнестрел.

«Боже...». Я в прострации. Мне никогда раньше не приходилось сталкиваться ни с оружием, ни с ранеными людьми. Я дико трусила. Начала дрожать, то ли от холода, то ли от страха.

Человек опять что то прошептал. Пришлось наклониться, чтобы услышать его.

– Сбегай в магазин. Водки. Надо.

– Что? Какой еще водки? – Он что решил напиться перед смертью? Я была уверена, что он умрет сейчас рядом со мной. Мне было очень страшно.

– Принеси водки.

– С ума сошел. Да у меня денег то нет.

– Возьми... в кармане. Во внутреннем.

Чертыхнувшись про себя, я засунула руку во внутренний карман его куртки. Есть. По моему, даже целая пачка денег. Вытащила на свет. Матерь божья! Столько денег я не видела никогда. Здесь и доллары и рубли. Осторожно вытащила несколько рублевых бумажек. Остальное, положила обратно.

– Будь здесь. (Как будто он мог убежать.) Сейчас схожу тебе за водкой. Так и быть. Надо так надо.

И пошла. Десятки разных мыслей роились в моей голове. Но я была так молода, искренне верила, что любому страж-

душему нужно помогать. Идеализм пер через край. Поэтому шла сквозь дождь к светящемуся в темноте среди хрущевок, круглосуточному магазину, вся мокрая, с размазанной вокруг глаз тушью. Почти, уверенная в том, что делаю благое дело.

В магазине, продавец с охранником многозначительно переглянулись, увидев меня. Они приняли меня явно за другого человека. А мне было все равно. Я спешила. Я должна была успеть принести водки, до того как он скончается. Обратное я почти бежала. Успела. Человек сидел, прислонившись к какому то хламу.

– Вот. Водка.

Он с усилием поднял и протянул руку. Взял, отвинтил крышку. Отпил глоток, вторым прополоскал рот, выплюнул. Затем стал разливать водку по своей одежде. Я уже ничего не понимала.

– У тебя есть какое-нибудь тихое место? Отлежаться надо.

– Есть. Дом в деревне. Там никто не живет.

– Подойдет. Далеко?

– Тридцать пять километров от города.

– Отлично.

– У меня нет с собой ключей от дома.

– Ерунда. Можно без ключей. Вот тебе еще денег. Иди. Поймай машину. Скажи, муж пьяный лежит под деревом, дотащить не можешь. Пусть поможет.

Он еле говорил. Казалось, каждое слово дается ему с тру-

дом. Ну что ж, я его поняла. С водкой это был фокус. Пьяный муж. Лихо. И в дом он без ключей войдет. Что это за мужик? Не иначе жулика спасаю. Ну ладно, назвалась груздем, полезай в кузов.

Машин было мало, ни кто из проезжавших, не хотел останавливаться в дождь в плохом районе, около насквозь промокшей девушки. Наконец, остановилась древняя копейка. Но я и ей была очень рада.

– Куда тебе, дочка? – водителю было лет семьдесят не меньше, но, несмотря на возраст, глаза смотрели с огоньком, и в движениях его чувствовалась энергия.

– Отец, помоги, ради бога. Муж пьяный, гад ползучий, свалился и идти больше не хочет, – махнула рукой в сторону кучи хлама. – Нам в Степашино надо. Заплачу хорошо, – показала купюры. Вздохнула горестно, смахнула слезу или каплю дождя.

– Э-эх! Молодо, зелено. Ну ладно, помогу. Показывай где он у тебя. Знаю, как это бывает, сначала стопочку за жизнь, затем стопочку за упокой, а потом уже и не помнишь за что. Сам был молодым.

– Ой, не говорите. Сколько раз я говорила этому гаду – не пей, не пей! Хватит. А он все опрокидывал, змей проклятый. И за чем я с ним живу? Послал мне господь наказание.

Во мне явно дремал талант актрисы. А я и не подозревала об этом.

Так причитая, дотащили мужика до машины, втащили на

заднее сиденье. Старик пригрозил выкинуть из машины, если будет безобразничать и поехали. Несмотря на старую модель жигулей, машина ехала исправно, чувствовалось, что хозяин заботиться о ней. Муженек мой пьяный притворился спящим и для верности даже похрапывал. Машину не изгадил, и водки больше не просил. В общем, можно сказать, что добрались мы до теткиного дома благополучно. Заплатила я старику и в правду очень хорошо. Тот долго благодарил и не решался брать столько денег. Наконец, подмигнув нам фарами, уехал. Затащив мужика в сад, я начала обследовать дом по периметру на предмет того, как можно без ключей войти в него. В пристрое к дому я обнаружила небольшое оконце. Окно не открывалось, поэтому я его просто разбила палкой, убрала все стекла и вошла через него в пристрой. Из пристроя дверь вела в коридор. И уже с коридора можно было попасть и в дом, и во двор, и на чердак и сразу через палисадник на улицу. Открыв изнутри дверь на улицу, я вышла в сад.

– Эй, вы здесь? – лучше бы он подевался куда-нибудь.

– Здесь, помоги.

Опять пришлось его втаскивать в дом. Тяжел был мужик, как кабан. В доме было холодно и сыро. Прислонила его к стене. Включила свет, зашторила окна. В доме стояла одна старая кровать на пружинах. На ней, по старому деревенскому обычаю, лежал не матрац, а возвышалась перина с кучей подушек. Разворошила их. Сырые. Но ничего, сойдет. До-

стала из шкафа постельное белье, расстелила кровать. Мужик сидел на полу, стонал, придерживая одной рукой левый бок. Начала его раздевать, а там... Кровь. Плотный свитер и теплая рубашка, защищали от протекания, впитывая в себя кровь. Как вытащили его из машины, специально осмотрела сиденье. Крови не увидела. Куртка, видать, спасла.

– Что же делать? Я ничего не умею.

– Не бойся. Я тебе подскажу. Здесь есть газ?

– Газовый баллон.

– Нагрей воду. Посмотри, есть ли в доме аптечка?

– Аптечка есть. Сейчас принесу.

Бегом сходила в колодец за водой. Поставила греть, побежала за аптечкой.

– Таблетки, наверное, уже старые, но йод, вата и марля есть.

– Давай.

Сняла ему рубашку. Страшно смотреть. Но ничего справились. Он руководил, я делала. Глаза бояться, да руки делают. Голова кружилась от усталости, когда, наконец, уложила его в кровать. А самой даже некуда было лечь. Перед большим столом стояла деревянная длинная лавка. На нее и легла, переодевшись в старый теткин халат.

* * *

Барабаны издавали страшный шум, большой и косоглазый хан лежал на верблюжьем одеяле и смеялся. Его смех замерзал в моей груди осколками льда и колот мое сердце. В руки

впивались жесткие и колючие веревки, пот ручьями стекал по босым ногам.

– Танцуй! – кричал монгольский хан и бросал в меня землей. Его живот трясся в такт смеху, жестокие глаза походили на две маслины и жаждали моего унижения. Страшные воины столпились у шатра, подбадривая музыкантов, играющих дикую музыку степей.

У меня были длинные русые волосы. Спутанными прядями, они свисали с моей склоненной головы до бедер. Глаза, сквозь пелену волос, рассматривали врагов. Я ухватила ритм музыки и начала свой танец. Смуглые лица, желтые зубы, беспокойные дикие кони, обезумевшие барабанщики и возбужденный хан, все кружились в неистовстве вокруг меня. Я заламывала связанные руки, не стеснялась обнажающихся в танце ног. Дикая мелодия степей вливалась в мою кровь, я не чувствовала усталости. Танец дарил мне жизнь, минуту за минутой, час за часом. В танце я просила развязать свои руки. Хан лишь махнул рукой огромному страшному, бритому наголо воину. Мои руки, вспорхнули словно птицы, к жаркому солнцу в пол неба, мои ноги прыгали по истоптанной лошадьми земле. В танце я расталкивала воинов, целовала фыркающих лошадей, упиралась тяжелой грудью в копья и смеялась своему безумству. С новым тяжелым ударом по барабанам, взметнула свое тело на круп черного коня, ударила босыми пятками по бокам.

Конь встал на дыбы, ржал зверем и шел поднятыми пе-

редними копытами на воинов. Копья и стрелы нацелились на всадницу, ощерились в ярости воины. Конь скалил крепкие зубы, страшно вращал глазами. Руки, вцепившиеся в гриву коня, дрожали мелкой дрожью. Грива волос, переливаясь золотом на солнце, водопадом падала на спину девушки при каждом диком прыжке коня.

Вдруг отступили воины, опустили копья и стрелы.

Хан стоял облаченный в дорогой халат, серьезный и задумчивый. Во взгляде его отражалась степь, по которой мчался черный конь с золотым водопадом волос.

* * *

Открыла глаза. Сон. Это был всего лишь сон. Станный, странный сон. Вон, вчерашний мужик на кровати. Как было бы хорошо, если бы и мужик был во сне. Закрыла глаза, стала слушать себя. Все тело ноет. Перетрудилась вчера и спала на жестком. На сердце тревожно. Что делать мне с этим мужиком? Какой черт потащил меня в эти дебри. Но что-то не так. Как-то странно себя мужик ведет. Мечется весь, стонет. Подошла к нему. Да он весь горит. Лихорадит что ли его. Боже! Что мне делать, если он тут умрет. Посмотрела на часы. Почти шесть. Я еще успеваю на автобус. Оделась быстро и бегом побежала к остановке. Успела. Всю дорогу в автобусе меня трясло от страха. Мне казалось, что я не успею, что мужик уже умер, и вообще я не знала, правильно ли решила поступить.

К тете Рае я доехала быстро. Когда она открыла мне дверь, я молча схватила ее за руку и потащила в ванную.

– Что? Что случилось? Маша!

Я захлопнула за ней дверь и зашептала.

– Тетя Рая, обещай, прямо сейчас, что сделаешь то – что попрошу.

– Да что случилось то?

– Обещай.

– Ну ладно, обещаю.

– В твоём доме, в Степашино – мужик. Раненный. Огнестрел. Сказал в больницу нельзя. Надо помочь. Боюсь, умрет там. Что будем делать. Давай собирайся, надо помочь.

– Ты с ума сошла!

– Не кричи. Ни кто не должен знать. Тебе деньги нужны? Он заплатит. У него есть. Я видела.

– Да разве в деньгах дело! Это ж дело подсудное.

– Да ты что, тетя Рая. Я же его уже притащила туда, раненного.

– Как притащила?

– Да его с поезда выбросили или сам выбросился. Не знаю. Я его привезла туда на моторе. Ну, давай, собирайся. Он там без сознания. Горит весь.

– Черт тебя подери! Ремня на тебя нет!

Но все же пошла собираться. Моя тетя Рая – врач. Точнее хирург-травматолог в больнице скорой помощи. И дома у нее всегда есть комплект всего необходимого.

Пока собиралась, успела нацарапать на двух бумажках рецепт. Поставила размазано свою печать.

– На, беги пока в аптеку, купи вот эти препараты. Это купишь в аптеке за углом, а за этими беги к универсаму.

Побежала. Слава богу, аптеки круглосуточные.

Обратно поехали на моторе. Всю дорогу напряженно молчали. С замиранием сердца вошли в дом. Мужик до сих пор был без сознания. Рубашка вся в крови. Тетя Рая в очередной раз показала мне кулак и принялась за дело.

Никогда не слышала, чтобы тетя Рая умела так красочно ругаться матом. Думаю, не то что я, даже бывалый грузчик покраснел бы от ее слов. Столько правды о себе и в таких выражениях, я никогда не слышала.

Но дело она свое знала хорошо, а я была на подсобках. Правда иногда все бросала и выбегала во двор подышать свежим воздухом, ибо тошнило меня уже от запаха крови и страха.

Пулю, тетя Рая вытащила и положила на тарелку. И лежит такой неказистый кусочек свинца в сгустке крови на тарелочке в цветочек – убийца жизни.

– Если в эти сутки не умрет, значит, будет жить, – устало сказала тетя Рая.

– Тетечка, ты только не оставляй меня сейчас одну, – взмолилась я.

– Вечером приеду на последнем автобусе. По другому не могу. Работать надо.

– А я? Что делать мне?

– А что ты? – сурово взглянула на меня тетя Рая, – назвалась груздем, полезай в кузов. Будешь сидеть и молиться. Сделаешь вот эти два укола. Начнет гореть, протирай его мокрым полотенцем. Печку затопи. Холодно. Не лето чай. Поскреби там в шкафах, может найдешь чего съестного. Не подумали мы с тобой утром про еду. Ни чего потеряешь. Здоровая корова. А ему пока нельзя. Вечером привезу поест. Денег давай. Дома нет ни гроша. Витька опять пьет, зараза. Вчера Ваське джинсы купила. Носить то надо что-то сыну. Не хуже других чтобы был.

Взяла из кармана куртки мужика пачку денег.

– Бери сколько надо. Думаю, он не откажет.

– Да мне много и не надо, на лекарства опять таки, да вам на еду. Завтра зарплата. Чужого мне не надо.

– Тетя Рая, зайди ко мне в общежитие. Скажи девчонкам, что я заболела.

– Сделаю. Эх, дура несчастная! – пригрозила мне тетя Рая.

– Дурра, – согласилась я, – но ты мировая тетя и все равно поможешь.

– Помогу. А ты, давай, начинай молиться. Поехала я.

Мужик провалялся в беспомощности больше суток. Тетя Рая приезжала, обрабатывала ему рану. Колола какие то уколы. Вздыхала горестно и ругалась матом. Я молилась.

Мужик не скончался. Однажды сразу после ухода тети Раи открыл глаза. Долго смотрел в потолок. Потом его взгляд

сфокусировался на мне.

– Ты кто?

– Маша.

Опять замолчал.

– Это ты, та девочка...

Что он хотел сказать?

– Я.

– Я где?

– В деревне. Степашино. 35 километров от города.

– От какого города?

– N-ск.

– Какого хрена?

– Что?

Опять уставился на меня.

– Так вы же выпрыгнули с поезда трое суток назад.

– Сколько?

– Трое суток.

– Хочешь сказать, я тут лежу уже трое суток?

Начал приподниматься, не смог. Весь поморщился от боли.

– Нельзя вставать. Тетя Рая запретила.

– Это еще кто такая?

– Это моя тетя. Она хирург. Тетя Рая вам пулю вытащила.

Показала я ему чисто вымытую пулю на тарелочке.

– В милицию не звонили?

– Нет.

– Аха.

И опять закрыл глаза. Смотрю – заснул. Беда с этими мужиками.

Утром, еле проснулась. Впервые за это время поспала спокойно. Но на деревянной лавке спать неудобно. Все тело болит. Села, потянулась, кажется, услышала при этом даже хруст своих костей.

– Привет.

Мужик проснулся.

– Привет, – тоже стала на него смотреть. Насмотрелась, к щекам прилила кровь.

– Пойду, печку затоплю.

– Подожди. Может, сначала познакомимся? Вадим, я.

Жарко мне под его взглядом, неуютно. Он такой... Интересный. Лет тридцати, взгляд, черных глаз внимательный, изучающий, жесткие губы, темная щетина, морщинки на переносице. Красивый.

– Чего молчишь? Как тебя зовут?

– Маша.

– Маша с уралмаша. Не помню ничего, – улыбнулся слегка. – Ну ладно, давай топи печь, корми мужика. Еще аптечку принеси мне. Рану посмотрю.

Легко сказать, корми мужика. Да еще, какого-то, залетного. Да еще такого... такого... Лежит, командует. Ишь.

Печь затопила. Поставила в старом чугуне мясо с картош-

кой в печь.

Вкусно получилось. Вадиму понравилось.

– Ишь ты, печку умеешь топить. Ты что деревенская?

– Можно и так сказать, – буркнула я.

– Маша, тебе сколько лет?

– Э-э... Девятнадцать. А что?

– Да нет, ничего.

– Обычно, парни в этот момент говорят, что я красивая, – ляпнула я.

– Ха – усмехнулся, он. – Красивой тебя не назовешь. Так, хорошенькая. Но что-то в тебе есть, такое. Лицо интересное, породистое. Такие лица не забываются. Волосы шикарные.

Я была удивлена. Вроде бы, он меня обидел. Но с другой стороны, мне, почему-то, были приятны его слова.

– Маша. Спасибо, что помогла мне. Но боюсь, что мне нужна будет твоя помощь и дальше. Поможешь?

Странный вопрос. Я уже влезла в эту помощь по самое не хочу.

Что я могла ему ответить? Сказать нет, подыхай в этом доме с огнестрельным ранением? У меня свои дела, своя жизнь. А тебя я знать не знаю. Может ты бандит с большой дороги. Конечно, все эти мысли пронеслись в моей голове. Но, хоть мне и было страшно, я согласилась помочь ему. Как там у любимого писателя всех романтических натур – Антуана де Сент Экзюпери? «Мы в ответе за тех, кого приручили»?

Как бы не вышло это мне боком.

– Послушай меня внимательно. Тебе нужно съездить в город. Приедешь на телеграф, закажешь два междугородних звонка. Один в Питер, второй в Москву. Но именно в таком порядке. Сначала в Питер. Вот номера. Когда соединят, скажешь: «Пришлите ветеринара к хромой собаке через 35 минут». Поняла?

– Да, – хотя, если честно, я ничего не поняла.

– То же самое повторишь Москве. Сказала, повесила трубку и ушла. Бумажку с номерами порви и выкини. Купи продукты. Обо мне никому не говори. Постарайся купить мне одежду. Автобус сюда ходит?

– Идет мимо. Останавливается.

– А ты учишься?

– Учусь. В институте. Первый курс.

– Возьми больничный. Езди на автобусе. Машину больше не лови. Подруги есть?

– Есть.

– Подругам тоже ничего не рассказывай. Поняла?

– Поняла.

– Умница, девочка. Езжай, – завалился на спину, закрыл глаза. Дышит тяжело. Весь побледнел.

– Эй, ты как?

– Нормально. Езжай.

Дрожащими руками, взяла из его куртки деньги и убежала, осторожно прикрыв за собой дверь.

Сначала заехала на телеграф. В Питере ответил женский голос, в Москве – мужской. Сказала все, как он велел. Даже смешно было. Игра в шпионов. Только бумажку не выбросила. Вдруг пригодиться. Заехала в общежитие. Девчонки были в институте. Объяснять никому ничего не пришлось. Переодевшись, захватила смену одежды и ушла. Бумажку с телефонами спрятала в лекционную тетрадь. У меня таких штук тридцать. И в каждой какие то записки. Это, к тому, если захочет кто то поискать. Потом поехала к тете Рае. Обрадовала ее, посоветовалась с ней. Купила необходимые лекарства, продукты, водку (тетя посоветовала), поехала обратно в Степашино.

Пока шла по улице, встретила дядю Колю. Он, еле стоявший на ногах, тем не менее, сразу узнал меня и решил помочь донести мои две тяжелейшие сумки. На мои попытки пресечь его инициативу не реагировал и практически уже вырывал из моих рук одну из сумок.

– Пожалуйста, дядя Коля, я сама донесу.

– Машенька, девонька. Я все таки еще мужчина. Я должен помочь тебе. Предложения он связывал с трудом, но все же одну сумку он из моих рук вырвал. Ну что ж, делать было нечего. Пошли мы с ним вдвоем.

– Это ты правильно сделала, девонька, что приехала сюда жить. Тут хорошо. При-ро-да! Ежели что надо, ты зови, мигом прибегу.

– Нет, нет. Спасибо. Ничего не надо. Я сама.

– Вот, ты мне девонька, поллитра поставь... Апч-хи! И я тебе хошь, дымоход прочищу.

Вот оно, что. Дядя Коля, хоть и вечно пьяный, но успел заметить, что я рано утром печку топила. А дымоход точно был засорен, и я в избе прилично надымила.

– Дядя Коля. Ничего чистить не надо. Я не надолго. У меня с собой пол-литра то нет. Но вот тебе сто рублей. Можешь сходить в магазинчик, купить. Так помог, ты мне дядя Коль, так помог.

– Ой, девонька! Вот это человек. Вот это я понимаю. Спасибо, девонька. А, дымоход, чистить я к тебе зайду. – подмигнул многообещающе дядя Коля и заковылял в обратном направлении.

К теткинному дому подходила с замиранием сердца. Так боялась увидеть в доме уже мертвого Вадима, что даже уже не чувствовала онемевших от тяжелой ноши пальцев.

Зашла в переднюю, дыхание перехватило. Вадим опять метался в лихорадке. Одеяло съехало, повязка была вся в крови. Сам весь потный, губы сухие, потрескавшиеся. Пальцы, скрюченные, одеяло сжали, как тиски. Бредит.

Господи, боженька, помоги.

Что я делала для того, чтобы привести Вадима в чувство, сейчас припоминаю с трудом. Могла ли я своими действиями навредить Вадиму? Наверное, могла. Это сейчас я задумываюсь об этом, а тогда не было времени думать.

В общем, Вадим пришел в себя, наверное, уже ближе к полуночи. К этому времени, всю трясло уже меня. Вспоминаю, как меняла ему повязку, еле справляясь с приступами тошноты и головокружения. Не забыла обработать ему рану. Прочитав инструкции всех купленных мной препаратов, мне казалось, что я применила часть их правильно и к месту.

Сейчас, я сидела рядом с ним, смотрела на него во все глаза и молилась. Я даже не понимала, что, оказывается, молюсь в слух. И, когда он вдруг очнулся, услышала свой голос.

– Господи, спаси и помоги. Боженька, миленький, спаси и сохрани.

– Ты чего? Молишься что ли? – прохрипел Вадим, – воды дай...

Принесла немного воды.

– Еще.

– Много нельзя, наверное...

– А чего молишься?

– О тебе.. О Вас, то есть. Чтобы не умерли...

– Я тебе кто? Брат, сват, отец родной?

«Сердиться, почему-то».

– Ага.

– Что ага? Маша?! Я думал, ты умная девочка. Возьмешь деньги и не вернешься сюда больше никогда и забудешь это. А ты? Ты зачем приехала?

– Так, Вы же раненный, умираете...

– И ты, юная романтическая душа, решила спасти меня?

Не испугалась подойти в пустынном месте к мужчине, притащила его к себе домой, зная, что огнестрел. А если бы нас задержали менты? Тетю сюда притащила. А если она сдаст меня? Если я бы умер здесь? Что бы вы стали делать? Так нельзя, Маша. Нужно же обладать каким то чувством самосохранения, черт возьми. Ты – дура, девочка Маша.

А я сидела и тихо плакала. Может быть, он прав. Но я не могла ничего поделать с собой. Конечно, он мне чужой. Но тогда зачем? Люди, вы знаете, зачем я все это делала?

Посидели, помолчали. Только я шмыгала носом, стараясь успокоиться.

– Ты, все сделала, о чем я тебя просил?

– Да. Еще вот перевязала Вас и рану обработала.

– Ты, молодец, девочка Маша. Устал я, сил нет. Мне бы поесть чего ни будь горячего. И, перестань мне выкать, девочка Маша. Не такой я уж и старый. Договорились?

– Да.

Боже мой! Я носилась с ним как мать с маленьким сыном. Кормила, поила, лечила, выполняла мелкие капризы, оберегала от назойливого внимания дяди Коли, поила козьим молоком тети Милы, отдав ему кровать с периной, сама спала на жесткой скамье... Зачем мне это нужно было?

В качестве «сиделки Красного креста», я провела с ним две недели. Он был интересным собеседником. Умный, начитанный, рядом с ним я казалась себе глупой деревенщиной. Конечно, так это и было. Я рассказывала ему о своей

студенческой жизни. А он о себе ничего. Он умел как то так повернуть разговор, что постоянно уходил от прямого ответа.

Единственное, что я о нем узнала – это сведения из паспорта. Кузнецов Вадим Александрович, 30 лет от роду, русский, родился во Владимире, был женат десять лет назад и через год развелся, детей нет, прописан в Москве. Мне хватило смелости заглянуть в его паспорт, пока он спал.

А еще... Я была так глупа, что влюбилась в него. И последствия этой глупости не заставили себя ждать.

Вадим оправился уже настолько, что спокойно ходил по дому, а темными осенними вечерами мы с ним прогуливались по осеннему саду. Однажды, после одной из таких прогулок, он предложил мне выпить за ужином немного водки, чтобы согреться. Я согласилась, хотя раньше никогда не пробовала его на вкус. Запах водки был отвратителен, а мне так хотелось показаться Вадиму взрослой, что я, не задумываясь, выпила ее. Выпила и захлебнулась обжигающей горло жидкостью. Закашлялась в отчаянном кашле. Наверное, на меня в этот момент было смешно смотреть, потому что Вадим смеялся надо мной от души.

– Почему ты не сказала, что никогда не пила водку?

– Наверное, потому что мне хотелось ее попробовать. Ой, у меня голова побежала.

– Ничего, завтра догонишь.

И он налил мне еще немного на доньшке рюмки. И я сно-

ва выпила.

Пока мы ели, я часто ловила на себе долгий испытующий взгляд Вадима. Кивком головы спрашивала его, что ему нужно, а он отрицательно качал головой.

– Мне хочется спеть для тебя, девочка Маша, да вот только инструмента нет.

– Есть! Есть инструмент. Дядя Витя раньше играл на гитаре. Это муж тети Раи. Гитара здесь, в чулане висит. Правда, не знаю в каком она состоянии.

– Неси сюда, проверим.

Я принесла гитару, протерла ее от пыли.

Вадим с уважением взял ее в руки.

– Хороший инструмент. Сейчас я ее немного настрою. А ты налей нам еще.

Вадим настраивал инструмент, я нарезала огурцы. И все это было так естественно. Тогда.

Когда, он настроил гитару, мы выпили еще по одной, и он начал петь.

– Пустынной улицей вдвоем

С тобой куда то мы идем

И я курю, а ты конфеты ешь

И светят фонари давно

Ты говоришь: «Пойдем в кино»

А я тебя зову в кабак конечно,

М-мм, первокурсница –аа

М-мм, первокурсница –аа

Ты говоришь, что у тебя по географии тройка

А мне на это просто наплевать

Ты говоришь, из-за тебя там кто-то получил синяк,

Многозначительно молчу, и дальше мы идем гулять.

М-мм, первокурсница –аа

М-мм, первокурсница –аа

Мамина помада, сапоги старшей сестры.

Мне легко с тобой, а ты гордишься мной.

Ты любишь своих кукол и воздушные шары

Но в десять ровно мама ждет тебя домой.

М-мм, первокурсница –аа

М-мм, первокурсница –аа

Я была очарована песней, смущена его взглядом и хрипловатым голосом.

– Мне нравятся песни «Кино». Только там – восьмиклассница.

– Мне тоже. В них настоящая жизнь. Я пел эту песню специально для тебя, первокурсница.

– Я знаю, – ответила я застенчиво.

От выпитого, у меня слегка кружилась голова, в животе разливалось приятное тепло, а голос Вадима казался теплым и убаюкивающим. Когда я встала из-за стола, покачнулась и неосторожно смахнула рукой пустую тарелку.

– К счастью, – выдохнула я.

– Да ты совсем опьянела, ласточка моя. Сегодня я выпол-

ню роль посудомойки, а ты можешь лечь пока на мою удобную кровать и немного расслабиться, – предложил Вадим.

И я, счастливо улыбаясь, отправилась в комнату и в самом деле ничком упала на его кровать. Когда подошел Вадим, я только начала засыпать. Он сел рядом со мной на кровать и стал гладить меня рукой по всему телу. Мне было так приятно, что даже в голову не пришло остановить его. Спать мне уже не хотелось.

– Ласточка, – прошептал он и наклонился к моим губам. Но задержался и посмотрел на меня в упор, как бы спрашивая моего согласия, а я не хотела отказать.

Даже в самых смелых своих мечтах, я не представляла, какими сумасшедшими могут быть поцелуи и какими желанными откровенные ласки мужчины. Не имея до этого времени опыта близости с женщиной, я совсем потеряла голову и со счастливым отчаянием помогала ему раздеть себя. Я стограла от желания, не понимая, к чему это все может привести и нужно ли это мне.

Мой крик боли, Вадим заглушил страстным поцелуем, снова заставив все мое тело трепетать от желания.

Я испытывала и боль, и наслаждение одновременно. Пыталась повторять его движения, но не чувствовала уверенности в себе. Голова кружилась от познаваемых ощущений. По соседству с бесстыдством происходящего, маячила тень стыда. Но мне так хотелось быть настоящей женщиной, что я гнала прочь обрывки бессвязных мыслей и выполняла то,

что приказывал мне делать Вадим. Было так сладостно и больно, что я сама уже не понимала, от чего кричу и изви- ваюсь под ним, изо всех сил сжимая его ягодицы. Вдруг Он сжал меня в своих объятиях и потом резко отпустил. Вадим лег рядом со мной, тяжело дыша. У меня кружилась голова от пережитого взрыва и землетрясения во мне. Между ног все жгло, было мокро и липко.

Я не знала, что сказать и как себя вести дальше. Мы долго лежали молча, не двигаясь. Я ждала от него слов, которые сделали бы меня счастливой. Все ждала и ждала, боясь по- вернуться к нему, посмотреть ему в глаза. А он все молчал. Набралась храбрости, приподнялась и посмотрела на него. Вадим спал.

Боже мой! Вы не представляете, как мне стало тяжело на душе. Во мне переворачивался целый мир. Не каждый день становятся женщинами в объятиях любимого человека. А любимый человек взял и заснул, как будто произошедшее для него ничего не значило. Как будто не было ни взрыва, ни землетрясения. Как будто не лежала рядом с ним распро- стертая девочка Маша вся в крови. Все кипело во мне, разом заболели голова и живот. Хотелось взять подушку, положить ему на лицо и надавить изо всех сил. Мне крови хотелось. Теперь его. Подумала об этом, и стало смешно. Спасти че- ловека, чтобы удушить самой. Сидела и смеялась тихо, раз- мазывая слезы. Когда успокоилась, навалилась пустота. Спо- койно встала, сходила на кухню, помылась. Достала из шка-

фа чистую простыню, сложила в несколько раз, подложила ему на кровать, чтобы не спал на крови.

И пошла к себе на скамью.

Спать мне не хотелось. Не приятно щемило что то в левой груди. «Может еще поплакать?» – спросила я себя. «А может просто удавиться?» – усмехнулся кто-то противный во мне. «А помнишь, он тебе сказал – ты – дура, девочка Маша?» «Помню, и что?» «Дура – ты, Маша. Только вот уже не девочка».

Я так и не смогла заснуть до утра. А Вадим в эту ночь спал на удивление спокойно, даже похрапывал слегка. Перед рассветом я встала, затопила печку, поставила готовить его любимое жаркое. Тихонько собрала свои вещи, переделась и собралась уйти. Свой человеческий долг я выполнила. А переживать из-за своей глупости, анализировать то, что произошло, не хотела и не видела смысла. Чтобы жить дальше нормальной жизнью, надо было забыть все это и никогда больше не видеть его. Взяла свою сумку, одела куртку и пошла к двери.

– Ты куда?

Вздрогнула от неожиданности. Сумка сорвалась с плеча, упала на пол.

Голос его глубокий и ласковый, с легкой чувственной хрипотцой. Все тело мое затрепетало в ответ на этот голос. Все тело и ... душа.

– Я..., мне надо... в город.

Поворачиваться лицом к нему не хочу. Боюсь расплакаться.

– Зачем?

– Надо.

– Повернись ко мне.

– Мне нужно идти.

– Повернись.

Повернулась. Уставилась в пол.

– Посмотри на меня.

– Тебе что-то нужно?

– Ты. Посмотри на меня.

– Зачем?

– Маша. Подойди ко мне.

Взглянула на него, лежит на кровати, чуть приподнявшись на локтях. Лицо строгое, даже сердитое. Губы плотно сжаты. Черные глаза притягивают как магнит. Подошла. Он встал с кровати, голый, как спал. Сил нет на него смотреть. Дрожу вся. А он приподнял своими пальцами мой подбородок, заставляя смотреть прямо ему в глаза. Зажмурилась.

– Маша, посмотри мне в глаза, – голос неумолимый и жесткий.

Открыла глаза, чувствуя себя безвольной куклой. Открыла и утонула в омуте его глаз.

Очнулась только через какое-то мгновение и удивилась, что губы уже болят от дикого грубого поцелуя, что я сжимаю его в своих объятиях, а он меня в своих. Куртка давно

уже на полу, одежда на половину сорвана, груди мои оголены и напряжены в его ладонях. Заметил проблеск мысли в моих глазах, одним махом сорвал с меня остальную одежду и свалил на кровать. Дрожу вся... от нетерпения. Сжал меня в своих объятиях, целовал грубовато, оставляя горящую борозду от отросшей щетины по всему лицу и телу. Сильные пальцы сжимали мои груди, вызывая восторг во мне. Коленом раздвинул мои ноги...

– Маша... – то ли стон, то ли просьба, то ли приказ.

Послушно приподняла бедра. Вошел одним махом, дернулась к нему навстречу и снова боль.

– Вадим!

– Тихо, тихо, моя девочка.

Остановился вмиг, но не вышел. Дышит тяжело, тоже весь дрожит, глаза, затуманенные, чуть прояснились.

– Девочка моя...

И начал двигаться тихо, аккуратно. Какой же нежный у него взгляд. Руки стали ласковыми и нежными. Да, да. Так хорошо. И уже совсем не больно. Но чего-то не хватает. Стала двигаться ему навстречу. Так, Вадим? Давай же сильнее, родной! И чуть-чуть жестче! Но не могу я сказать всего этого ему. Кричу про себя, а сказать не могу. Стыдно.

Но он как-то понял, чего я хочу. Посмотрел на мое безумное лицо и понял. И мир завертелся вихрем вокруг меня. Только стоны, страстный танец жизни, безумные взгляды и безжалостные губы. И ритм, уносящий на небо. И взрыв.

Невыразимое наслаждение и темнота.

– Маша, Машенька, девочка моя, очнись!

Голос слышу, а очнуться еще не могу. Просыпаюсь тяжело как от глубокого сна. Вот почувствовала его ласковые руки. Открыла глаза, Вадим смотрит на меня тревожными глазами.

– Что случилось?

– Ты потеряла сознание.

Вспомнила все, что тут только что творила. Стыдно. Щеки загорелись румянцем.

– Не смущайся. Все хорошо. Испугала ты меня немного. Никогда такого не встречал, чтобы женщина от наслаждения теряла сознание.

– Это плохо?

– Не знаю. Думаю, что нет. Просто, ты еще слишком неопытна и ...

– Что?

– Твой организм, просто был не готов к такому оргазму. Но я счастлив, что ты так среагировала на меня.

По моему, он еще что то говорил, но я уже погружалась в счастливый сон и видела лишь его любящие глаза.

На следующий день, он обратился ко мне с просьбой.

– Маш, нужно один конверт отвезти в соседний город. Чем быстрее, тем лучше. Что туда ходит от вас?

– Электричка.

– А автобус?

– Не знаю. Может и ходит. Электричкой дешевле.

– Да. И меньше трясет. А мне сейчас тряска ни к чему.

Должен я туда съездить, передать этот конверт. По-моему, я уже нормально себя чувствую. Как ты думаешь, спасительница?

– Тяжело тебе будет. Хочешь, я съезжу?

«Душа у меня широкая. Хоть на край света ради любимого человека».

– Маленькая моя, – он обнял меня, поцеловал. – Я просто без ума от тебя, моя спасительница. Вот конверт. Не вскрывай. Я тебе доверяю. Конверт передашь человеку в инвалидной коляске, вот по этому адресу. Поняла?

– Поняла.

– Придешь, отдашь и все. Никаких чаепитий, разговоров. Ничего. Ни на какие расспросы не отвечай. Ты ничего не знаешь. Тебя просили передать, заплатили, ты передала. Знать не знаешь от кого и что там. Поняла?

– Поняла.

– Езжай.

И я поехала.

За давно немывтыми окнами электрички мелькали пейзажи средней полосы России. Убогие дачные домики сменяли последние изыски архитектурного творчества представителей новой российской элиты.

Железная дорога проносилась по российским лесам, разбрасывая, будто на елках конфетти, пустые бутылки и обертки пищевой промышленности великой цивилизации.

В вагонах читали, играли в карты, «принимали на душу» исподтишка, на родном колоритном русском языке обсуждали власть. Размеренная жизнь электрички иногда прерывалась песнопением последователей Пресвятой Девы Марии Иисус, попутно собирающих милостыню. Россия, всегда славившаяся своими убогими и юродивыми, и в конце века XX продолжила традиции минувших веков. По электричкам собирали на прокорм и дети с огромными баянами на плечах, и нищенствующие старики и старушки с испитыми лицами.

Мне не терпелось скорее приехать в этот город, подальше от давящей духоты вагона. Из последних сил терпя повышенный интерес к своей особе со стороны попутчиков, я успела уже выучить все трещины на грязном окне, весь мусор на нем, лишь бы не сталкиваться с их изучающими любопытными взглядами. Мне уже надоело делать этот равнодушно снисходительный вид. Но мое раздражение было сметено массовым побегом по нашему вагону народа. Я уже готова была найти и обезвредить бомбу, потушить пожар, остановить хищного зверя, который возможно гнался за ними, как, увидев мое непонимание происходящего, милый старичок напротив, объяснил это – появлением контролеров.

Электричка ворвалась на полном ходу в город, разрезая воздух ликующим гудком. Я ликовала вместе с ним, поэтому

в числе первых подготовилась к выходу в город.

Адрес я нашла быстро. Здесь жили очень отзывчивые и доброжелательные люди, готовые всегда помочь сориентироваться приезжему человеку. На последнем этаже сталинки, за двойной железной дверью жил адресат. Я долго звонила в дверь, потом стучала, но мне никто не открыл. Я постояла немного, подождала, потом стала медленно спускаться вниз. На встречу мне поднимался молодой парень. Ну, поднимался и поднимался. Обычный парень. Только взгляд плохой. Я ускорила шаги и быстро сбежала вниз. Может адресат вышел погулять? Или пошел в магазин. Надо его подождать. Посмотрела по сторонам. На детской площадке одна сломанная карусель и две облупившиеся скамейки. Рядом переполненные мусорные контейнеры, к которым заинтересованно подбирался серый дворовый котенок с откусанным ухом. Отвела глаза, чтобы не растрогаться. Котенок был худой и грязный. Скривила лицо в бессилии. Нашарила в сумке бутерброд. Взяла с бутерброда колбаску, кинула котенку. Тот повернулся ко мне, долго смотрел пронзительным голодным взглядом. Только потом подбежал семеня худыми маленькими лапами и стал большими кусками есть колбасу. Сердце защемило от жалости к нему. Сжала кулаки и быстро пошла со двора.

Чтобы скоротать время, я решила осмотреть достопримечательности города. Город славился своей древней историей и красивой архитектурой. Добрые люди направили меня

к Арке влюбленных. Арка представляла собой белую конструкцию эллиптической формы. Я была наслышана о ее акустическом эффекте (если два человека находятся по разные стороны арки и говорят шепотом, то они прекрасно слышат друг друга) и немного грустила из-за того, что у арки оказалась одна. Без Вадима...

От арки вниз, к так называемому Черному озеру спускалась лестница с разбитыми ступенями. Внизу был парк, но его вид портили перевернутые урны с кучей мусора и давно не крашенные скамейки. На одной из таких скамеек, взобравшись на нее ногами, сидели молодые люди и пили пиво. На встречу мне, косясь на парней, шла пожилая чета.

– Простите, – обратилась я к ним. – Вы не подскажете, кто является архитектором этой арки?

Пожилая пара переглянулась.

– А вы приезжая? – вопросом на вопрос ответили они мне.

– Да.

– Это арка называется Аркой влюбленных, но, к сожалению, ни кто в городе не знает, кто ее построил.

– Как же так получилось?

– Арку строили в тридцатые годы, – почему то шепотом стал рассказывать мужчина косясь на лево. – А в те годы, историю, наверное, учили, люди исчезали десятками. Вполне может быть, что и архитектор данного чуда угодил в немилость и ушел в забвение.

– Спасибо, – поблагодарила я их печально. – А какие еще

достопримечательности можно посмотреть поблизости?

– Кремль, – сказала седовласая дама. – Его как раз приводят в порядок.

– Дорогая, конечно же, Петропавловский собор, – обрадовался мужчина интересу к местным достопримечательностям приезжего человека.

– Идите вон туда. Здесь не далеко. Каждый подскажет, как к нему пройти.

– Спасибо вам.

Я посмотрела на часы и решила, что времени мне как раз хватит осмотреть собор, снова сходить к нужному дому и доехать до вокзала.

Петропавловский собор, и в самом деле, впечатлял. Выполненный в стиле «Нарышкинского» барокко, собор восхищал своей величавостью, удивлял обилием декора и яркостью раскраски.

«Кто же построил это чудо?» – оглядывалась я, думая кому обратиться с этим вопросом.

Увидев, направляющуюся к храму женщину в темном одеянии, я припустила к ней.

– Добрый день. Извините, вы не подскажете, кто построил этот собор?

Женщина посмотрела на меня в прищур, махнула головой куда то влево и сказала:

– Вон там, продаются проспекты.

И ушла.

Делать было нечего, народу больше не наблюдалось, поэтому пришлось пойти за проспектами. В проспекте инициатором строительства значился купец Михляев И.А., а имени архитектора никто не знал.

Пока возвращалась обратно к дому адресата, я думала об этом очень красивом городе с прекрасной архитектурой и удивлялась людям, которые ничего не знали о тех, кто его строил.

Подошла к дому, посмотрела наверх, пытаюсь угадать дома ли мой адресат. Наверное, дома. Проявила я позитивный настрой и направилась вверх по лестнице, сетуя на отсутствие лифта. Позвонила в дверь. Еще раз и еще раз. Стала ждать результата. Услышала скрежет замков. Дома. Вдохнула с облегчением.

За дверью – широкоплечий молодой мужчина в инвалидной коляске, с прикрытыми пледом ногами. На его лице было написано недоумение. Он смотрел то на меня, то на конверт в моей протянутой руке и видимо ждал каких-то объяснений. Но я была настроена в строгости выполнить инструкции данные мне Вадимом, хотя и не понимала, зачем это нужно. Перед моими глазами стояли ласковые глаза любимого и его строгие наставления. Поэтому видя, что мужчина все еще медлит, я просто положила конверт на его колени и ушла. Спускаясь по лестнице, я еще думала об этом странном конверте и инвалиде. Мне было жаль бедного человека, заточенного в своей квартире. Было немного стыдно перед

ним из-за того, что я – такая здоровая и сильная могу быть, где захочу и жить полной жизнью, а он там, за стальными дверями. И я ничем не помогаю ему. И подобных мне, миллионы, спешащих побыстрее забыть про таких как он. Быстро сбежала по лестнице, вышла во двор и снова увидела того котенка с откусанным ухом. Он сидел прямо напротив двери и, как мне показалось, ждал меня. Я подхватила его на руки. Он мяукнул и прильнул ко мне. Вот так с котенком на руках я пошла со двора. На выходе из арочного прохода котенок вспрыгнул на землю. Я нагнулась его ловить. Тут на меня чуть не наехал автомобиль. Засигналил громко, чтобы я не мешкала, спустили стекло заорали матом, чтобы я быстрее убиралась прочь. Я с котенком на руках прижалась к стене. Взвыв, машина ринулась во двор. На остановке уже стоял троллейбус. Мы с котенком сели в него и уехали на вокзал. Я улыбалась этому городу от предвкушения счастья с Вадимом и с нашим умным котенком, поэтому быстро забыла про тяжелые мысли об инвалиде.

Я с нетерпением ждала встречи с Вадимом. Почти бежала от автобусной остановки к дому.

У дома стоял большой черный блестящий автомобиль, в который садился Вадим.

– Вадим! – закричала я, не понимая, куда же он собрался уезжать.

На мой крик, Вадим обернулся. С водительского места вышла высокая красивая блондинка.

Я остановилась в метрах десяти от них, не смея подойти, застеснявшись красивой женщины.

Вадим пошел мне навстречу. На любимом лице то ли улыбка, то ли маета.

– Привет, – сказал он мне. – Молодец, что успела. Все сделала, как я просил?

– Да.

– Молодец. Маленькая моя, мне нужно срочно уехать. Но я скоро вернусь.

Он обнял меня крепко, поцеловал в щечку.

– Маш, спасибо тебе за все. Ах да, возьми деньги. Они тебе нужнее.

Красивая блондинка стала сигналить в машине.

Он улыбнулся мне, подмигнул и побежал к ней.

* * *

С тех пор прошло девять лет. И вот, я встречаю его в кабинете своего шефа. Едва взглянув на меня, он уткнулся в свой кофе и больше не поднимал взгляд.

– Мария, вы меня слышите? – голос шефа ворвался в меня, выбивая из столбняка.

– Да, конечно.

Неужели я ошиблась? Нет. Я точно знаю, что это Вадим. Значит, он не узнал меня? Возможно ли это? Неужели Бог так снисходителен ко мне? Конечно, я изменилась. Сейчас у меня нет тех длинных роскошных волос, которые он так любил расхваливать тогда. Постарела, наверняка.

– Мария!

– Да, Виталий Андреевич!

Шеф корчил мне страшные рожи, стоя за креслом гостя.

– Я хочу познакомить тебя с нашим дорогим гостем, который, я очень надеюсь на это, станет для нас самым важным деловым партнером – Вадим Александрович Кузнецов – руководитель холдинга «Феникс».

«Это все таки он»! «Руководитель холдинга «Феникс»?!

Вот тут, гость встал передо мной.

– А это моя помощница, правая рука – Мария Суворова.

Ни один мускул не дрогнул на лице Вадима.

Он смотрел на меня молча. Лицо было совершенно бесстрастным.

– Рада познакомиться с Вами, Вадим Александрович, – я протянула ему руку для пожатия. Он поцеловал ее.

– И я рад. Очень. Не согласитесь ли вы поужинать сегодня со мной, Мария?

У моего шефа глаза полезли на лоб, рот приоткрылся и он, стоя за спиной Вадима, отчаянно закивал головой.

– Я очень сожалею, Вадим Александрович...

– Конечно, она согласна, дорогой Вадим Александрович! – воскликнул мой шеф, показывая мне кулак.

– Маша, я пришлю за вами машину к окончанию рабочего дня, – сказал он спокойно, пожал моему шефу руку и повернулся, чтобы уйти.

А меня как будто током ударило, по всему телу резко раз-

лился жар, парализовав движения и мысли.

– Я провожу вас, Вадим Александрович, – начал раскладываться перед ним мой шеф.

– Не суетитесь, Виталий Андреевич! Выход я найду сам. О наших планах на совместную работу, мы поговорим с вами завтра. До встречи, Маша.

Когда дверь после него закрылась, я в бессилии опустилась на кресло. Странные чувства обуревали меня. С одной стороны, я была рада увидеть его живым и здоровым. Но, с другой... Я боялась, что эта встреча может полностью перевернуть мою жизнь. А она и без него слишком сложно устроена. Надо понять, что для меня самое важное в данный момент.

– Все складывается даже лучше, чем я предполагал, – рядом радостно потирал руки Виталий Андреевич.

Надо собраться и подумать. Взвесить все минусы, истекающие из этого «подарка судьбы».

– Мария, надеюсь, ты понимаешь, насколько важно для нашей компании это партнерство?

Я так долго боролась за покой в своей семье, что нужно подумать, как я смогу обезопасить свой мир. В конце концов, чем он может угрожать мне? Я не сделала ему ничего плохого. Я, наоборот, спасла его. А то, что было тогда... Тысячи людей, по разным причинам, имели однажды близость с партнерами на одну ночь. Или на две... Боже, не надо это вспоминать.

– Мария. Как это понимать, ты слышишь меня или нет?

Это не значит, что они стали распутниками. Конечно, они не трубят об этом на каждом углу. И мне, надо постараться сохранить свою связь с ним в тайне от всех. И самое главное от Тимура.

– Мария! – багровое от злости лицо моего шефа вдруг появилось передо мной.

– Да, Виталий Андреевич! – надо взять себя в руки, никто ничего не должен заподозрить.

– Мария, я уже пол часа разговариваю с тобой. Но ты сидишь, как будто тебя парализовало. Что происходит? Это совсем не похоже на тебя.

– Я, что-то не хорошо себя чувствую. Голова болит очень сильно. Просто раскалывается. Вы не будете возражать, если я отлежусь немного дома?

– Какая голова, Маша? Ты что забыла, что сам, Вадим Александрович, пригласил тебя на ужин?

– Виталий Андреевич. Это всего лишь Кузнецов В.А. – руководитель «Феникса», а не сам Бог.

– Для нас, он сам Бог! Ты же должна понимать, что сейчас не самое лучшее время для нашей компании. Все имущество заложено. Очередным кредитом покрываем предыдущий. Это сотрудничество поставит нас на ноги. Соглашайся на встречу со мной, Вадим Александрович был настроен весьма скептически. Да и согласился он на встречу только из-за протекции мэра города. И то, что сейчас он дал понять,

что сотрудничество состоится – просто чудо. А ты, ради нашей компании, не хочешь сходить поужинать с ним?

– А вам, не кажется странным, что он вдруг ни с того ни сего захотел поужинать именно со мной? – взорвалась я. «Стоп, спокойнее. Нельзя давать шефу пищу для размышлений».

– Я думаю об этом.

– И что же вы надумали? Вам не кажется что это похоже на спекуляцию живым товаром? – опять я о том же.

– Он пригласил тебя не в постель, а просто поужинать. Не надо воображать о себе лишнего. Для постели у него наверняка есть свои бабы. А через тебя, он, возможно, хочет разузнать побольше о нашей компании. Пощупать, так сказать, изнутри.

Меня бросило в жар. Никогда не думала, что мой шеф способен сказать мне такие слова. Вона как его разбирает.

– Ты, умная женщина, сама должна понимать, что говорить ему, а о чем следует умолчать.

– Я не хочу идти на ужин. Вы могли бы пойти вместо меня, или, по крайней мере, со мной. Это было бы правильно. Ужин с деловыми партнерами.

– Ну, что тебе стоит? Сходишь один раз и все. За одно присматривайся к нему, постарайся прощупать его.

– На предмет наличия оружия? – усмехнулась я.

– Да что ты, черта лысого, ухмыляешься? Я же серьезно. Сколько раз твоя знаменитая интуиция срабатывала на благо

нашей компании. Пусти ее в ход и в этот раз.

– Не нашей компании, а вашей.

– Если ваша встреча вечером принесет дополнительную пользу для нашей компании, я выдам тебе приличную премию, – хитро прищурил свои глазки шеф.

«Тимуру нужен тренажер. Я обещала купить...»

– Хотя бы не провали эту встречу, проведи ее так, чтобы он назначил мне на завтра время для дальнейших переговоров.

– Есть, шеф! – отсалютовав ему по военному, я вышла из кабинета.

Когда зашла в свой маленький кабинет, первой моей мыслью было схватить свою сумочку и сбежать. Я не желала встречи с Вадимом. Встреча с ним пугала меня. Заставляла терять уверенность в себе.

«В конце концов, ничего страшного не произойдет. Поужинаю с ним вместе. Вспомним старое, улыбнемся. Ну, был секс, ну и что? У кого его не было в студенческие годы? Я на него не в обиде, и думаю, он на меня тоже. В конце концов, у него даже не было до этого времени возможности поблагодарить меня за свое спасение. Хотя, так на моем месте поступил бы каждый человек. Мы с ним совершенно чужие друг другу люди. Кто он, и кто я? Поинтересуюсь, как его дела. В общих чертах, в очень общих чертах, отвечу на его вопросы. И все. Ах, да, Виталий Андреевич. Хорошо, задам несколько вопросов о его планах на сотрудничество с нашей

компанией. Послежу за его реакцией, искренностью».

Сколько сейчас времени? Три часа дня. До шести у меня еще три часа. В конце концов, кроме уважаемого Вадима Александровича, у меня есть и другие дела на работе. Теперь я испытывала легкое раздражение на него. Мне нужно съездить в несколько организаций. Нельзя терять время впустую.

Выйдя на улицу, я увидела припаркованный прямо напротив входной двери, черный блестящий Land Rover с московскими номерами. При моем появлении, двери открылись, и из машины вышел высокий, широкоплечий молодой человек в красивом костюме.

Какое-то чутье заставило меня остановиться. Молодой человек тоже остановился и стал в упор смотреть на меня. Вид у него был доброжелательный, хотя и немного странный. Игра теней творило с его лицом что то невообразимое. Вот солнце выглянуло из-за туч и передо мной красивое мужественное лицо. Парень приближается ко мне, солнце спряталось и передо мной искаженное шрамом лицо пирата. Он останавливается, отводит от меня взгляд на вывеску.

В душе появляется беспокойство, мне кажется, он по мою душу. Но я решаю проигнорировать его. Начинаю спускаться с лестницы, молодой человек поднимает взгляд и идет мне навстречу. Я останавливаюсь на последней ступеньке. Он ласково улыбается мне, подходит, протягивает руку.

– Спасибо, – поблагодарила я его и сделала шаг в сторону.

– Мария Вячеславовна, – обращается он ко мне.

От неожиданности я роняю сумку. Молодой человек нагнулся, поднял сумку, отряхнул.

«Это все нервы. Надо успокоиться. Ты же с самого начала догадалась, что это человек Вадима, зачем же теперь так трясешься?».

– Не волнуйтесь, Мария Вячеславовна. Меня зовут Максим. Вадим Александрович попросил меня сопровождать вас в ресторан в 18:00 от вашего дома. Из офиса домой, так же повезу я вас.

«Из дома? Нет ни в коем случае»!

– Очень приятно, Максим. Меня не нужно вести домой. В ресторан я поеду с работы. Я буду в 18:00 здесь и с удовольствием поеду с вами. Однако сейчас мне необходимо съездить в некоторые организации по рабочим вопросам.

– К сожалению, Мария Вячеславовна, мой шеф предупредил меня о недопустимости вашего отъезда из офиса до назначенного времени.

– Не поняла. Что происходит, в конце концов? Вы отдаете себе отчет в своих действиях? Я свободный человек. И то, что я оказалась приглашенной на ужин Вадимом... Александровичем, не дает ему право контролировать каждый мой шаг! Дайте пройти!

– Подождите, Мария Вячеславовна, я созвонюсь с ним.

– Созванивайтесь хоть с самим чертом! Мне нет никакого дела до его мнения. Если вы будете продолжать в том же духе, ни в какой ресторан я не поеду.

Передернула раздраженно плечом, попыталась его оттолкнуть, но пройти не смогла. Максим твердо взял меня под руки и повел к машине.

– Или вы посидите у меня в машине, пока я переговорю со своим шефом или вам придется вернуться в офис.

Его пальцы сжимали мое плечо как стальные тиски. На лице никаких неприятных эмоций, такое же располагающее и доброжелательное. Только в глазах сначала отразилось удивление, а затем раздражение.

– Не трогайте меня! Люди смотрят. Хорошо, я спокойно постою здесь, а вы переговорите со своим шефом.

Я же испытывала бурю эмоций. Если бы мое лицо было морем, то сейчас оно было бы штормовым.

Максим посмотрел на меня недоверчиво, но руку отпустил и отошел на несколько шагов, чтобы поговорить по телефону. Понимая, что бегство сейчас бессмысленно и шансов у меня против Максима никаких нет, я осталась стоять на месте. Разговаривая по телефону, Максим искоса посматривал на меня и даже слегка улыбался.

– Вадим Александрович, попросил меня побыть, на сегодня, вашим личным водителем, – широко улыбнулся Максим, подходя ко мне. Лицо его улыбалось, а в глазах стояло удивление.

– Вот ведь счастье привалило, – задумчиво произнесла я и направилась к огромной черной машине.

Максим очень галантно посадил меня на заднее сиденье,

сам сел на водительское место и обернулся ко мне ожидая распоряжений.

С Максимом мы объездили три организации, в которых у меня находились для согласования документы. Он оказался весьма дружелюбным водителем, и мы мило поболтали с ним о достопримечательностях города. Без пятнадцати шесть мы вернулись в офис. Я чувствовала себя уставшей. Никуда, естественно, мне не хотелось, тем более в ресторан. Дома меня ждал Тимур. И я должна была, как то объяснить ему, почему мне придется задержаться на работе. Предстоящий разговор с ним заставлял меня нервничать. Я, заранее начинала чувствовать себя перед ним виноватой.

Слушая длинные гудки, я представляла себе, как он катит свою коляску к телефону, мягко чертыхается, проходя через дверной проем и торопясь успеть, хватая трубку.

– Ало.

– Привет, Тимур.

– Привет.

Он давно, очень давно перестал говорить мне нежные слова.

– Я сегодня задержусь ненадолго. Позднее выездное совещание. В холодильнике, в синей маленькой кастрюле – ужин.

– Я знаю.

Молчание. Он любит молчать. Я знаю, о чем он сейчас думает.

– Постараюсь приехать как можно быстрее. Я люблю тебя.

Может, купить тебе чего ни будь по дороге?

– Мне ничего не надо.

Короткие гудки.

Он всегда злиться, когда я задерживаюсь. Он думает, что я с мужчиной. Ни разу я не обманывала его. До сегодняшнего дня. Поэтому сейчас мне было особенно тяжело собираться в ресторан.

* * *

Душевные смятения вызывают нежелательные воспоминания или странные сны.

Порой воспоминания о детстве захлестывают меня, жесткими тисками стискивают горло. В основном во снах они являются ко мне, и я начинаю дрожать всем телом, рыдать и взывать к Богу. Родных я помню, но очень хочу забыть навсегда.

Помню, как сквозь сон, я почувствовала на лице мозолистые, но такие родные и ласковые руки отца, улыбнулась, открыла глаза, но в темноте не смогла рассмотреть его лица, только услышала его взволнованный, срывающийся шепот: «Ты то моя дочка, моя кровиночка, я знаю! Спи моя роденькая, спи моя маленькая. Будь счастлива». Успокоенная его ласковым шепотом, я вновь уснула.

Утром я проснулась от взволнованных голосов и женского плача. Соседка, рыдая, стиснула меня в объятиях, по дому ходили люди в погонах. Тогда, в пять лет, я все понимала, поэтому, видя перед собой склонившегося усатого и тол-

стого милиционера, уже знала, что произошло что-то плохое и страшное. Поэтому так ласково смотрит на меня этот толстый дяденька, поэтому я не слышу визгливых голосов моих братьев и сестер, поэтому не вздрагиваю от злой ругани родителей.

В пять лет я осталась сиротой, и по всему свету не было ни одной родной живой души.

Сейчас я считаю, что моему отцу кто-то внушил, что двух моих братьев и сестру мать нагуляла от другого мужчины, напоил его и, науськивая, отправил домой. Дело в том, что и у матери и у отца были от природы светлые волосы, а все дети, кроме меня родились черноволосыми и кареглазыми. Лишь я, точно повторяла отцовские черты: смуглая, но со светлыми волосами и раскосыми зелеными глазами. Любой мог быть уверен, что во мне течет кровь древнего рода поволжских Суворовых.

Мой отец, человек, которого я любила безмерно, боготворила, уважала и жалела, совершил страшное преступление. Он зарубил топором свою жену и троих детей. Он лишил меня не только матери, братьев и сестры, а любви, защиты, дома, детства. Я, наверное, смогла бы его простить, если бы он оставил мне... хотя бы себя. Но он взял свое охотничье ружье, вдел большой палец ноги в курок и застрелился. Мне снилось сотни раз, как он проделывает это, до мельчайших подробностей. Мне снились отрубленные головы родных, его последний шепот.

Я гоню прочь воспоминания, на грани истерики просыпаюсь от этих снов.

Долгое время, живя в детском доме, я училась не любить, не привязываться, не надеяться, не жить...

Но время – хороший доктор. Я выросла. Повзрослела. И теперь я хочу научиться любить, быть любимой и нужной.

Быть любимой тем, кого любишь ты, быть нужной тому, кто нуждается в тебе.

* * *

Увидев черную машину на том же месте, я вздохнула, глубоко вдыхая загазованный воздух, и сказала себе: «Это рабочая встреча и ничего больше». Подождала несколько минут, желая почувствовать уверенность в этом. Не дождалась и пошла так, без уверенности в завтрашнем дне.

В машине я хранила угрюмое молчание, делая вид, что не замечаю удивленных взглядов Максима. Приехали мы в один из лучших ресторанов нашего города. Ресторан находился в единственном городе пятизвездочном отеле. Имел два входа: с улицы и с холла гостиницы. Мне не приходилось бывать там, и я несколько оробела перед высокими стеклянными дверьми. Однако, оказалось, что у дверей дежурит швейцар, который не замедлил распахнуть передо мной двери. Его взгляд быстро скользнул по моему не новому брючному костюму, в глазах появилось пренебрежительное выражение. Но тут меня догнал высокий и представительный Максим, который, не замечая швейцара, с улыбкой повел ме-

ня в зал.

Зал ослепил меня своим светом и роскошной простотой оформления. Во всем, в каждой мелочи интерьера чувствовалась работа талантливого дизайнера. Я сразу почувствовала всю убогость своего внешнего вида, и вообще, своей жизни. «Нет. Я пойду с высоко поднятой головой» – решила я. Пока я боролась с собой, оказалось, что мы уже почти дошли до нужного нам стола. За столом сидел Вадим и улыбался, глядя на меня. Максим, поняв, что я увидела Вадима, развернулся и ушел обратно. Когда я подошла, он поднялся и в нерешительности посмотрел на меня. Я поняла это по своему, решив, что он недоволен моим внешним видом, несоответствующим обстановке. Поэтому решила подчеркнуть официозность встречи.

– Здравствуйте, Вадим Александрович. Как и договаривались, я приехала на встречу и готова обсудить с вами наше дальнейшее сотрудничество.

Вадим засмеялся. И как-то так громко, раскатисто. Мне стало неловко за него перед другими посетителями. А его, как будто, это вовсе не волновало. Когда он закончил смеяться, сделал серьезное лицо и поздоровался со мной.

– Добрый вечер, Мария Вячеславовна, – в глазах его плясал веселый чертик, – пожалуйста, присаживайтесь.

Когда мы сели, около нашего стола тут же появился официант. Получив меню, я уткнулась в него, не зная, что мне заказать. Подняв глаза на Вадима, я увидела, что он до сих

пор разглядывает меня. Я стала смотреть на него, а он на меня.

На языке крутился вопрос: «сильно изменилась?» Но, я не хотела сама начинать этот разговор. И вообще не хотела никакого разговора.

Вадим почти не изменился. Немного больше веселых морщин у глаз, немного седых волос на висках. Очень стильные, наверное, дорогие очки. Загорелый и очень интересный мужчина. Выглядит как очень преуспевающий бизнесмен. Хотя, он и есть преуспевающий бизнесмен. Вырос животик. Ухоженные руки с маникюром. Безымянный палец без кольца.

– Изменился? – с теплотой в голосе, сильно тронувшей меня, спросил он.

– О чем вы, Вадим Александрович? – надежда, как известно, покидает последней.

– Давай, не будем ломать комедию, Маша.

Что мне делать, как мне быть. Согласна, я веду себя глупо. Но, я больше не хочу в своей жизни Вадима..., тем более руководителя холдинга «Феникс».

– Ты, очень сильно расстроилась, увидев меня. Почему, Маша? Я был счастлив, увидеть тебя. И я никак не ожидал от тебя такой реакции.

– Извини ..те

– Хватит, Маша. Мы сто лет назад говорили друг другу ты.

– Хо-ро-шо. Здравствуй, Вадим. Я тоже рада тебя видеть.

Я рада, что ты жив и здоров. И даже преуспеваешь. Как у тебя дела? Вижу, что все хорошо. Спасибо, что пригласил на ужин свою давнюю знакомую. У меня тоже все отлично. Работа, семья. Жива, здорова. У меня своя жизнь.

– Хочешь сказать, мне нет места в твоей жизни?

– О чем ты говоришь, Вадим? Кто я и кто ты.

– Перестань. Я мужчина, ты женщина. И я все помню.

Щеки мои загорелись румянцем. Руки предательски задрожали.

– Я прекрасно помню, что ты спасла мне жизнь.

– Нет, тетя Рая!

– Ты, спасла мне жизнь. Я тебе обязан своей жизнью. И могу выполнить любое твоё желание.

– Ты хочешь стать для меня золотой рыбкой? – усмехнулась я.

– Я бы хотел стать для тебя кем то большим... Мы могли бы начать чаще общаться, могли бы узнать друг друга лучше...

– Вадим. Давай закончим на этом. Мне от тебя ничего не нужно. Ты можешь просто сказать – спасибо, и уйти. На моем месте любой человек сделал бы тоже самое. Как бы по книжному это ни звучало, но это так. Просто, в то время и на том месте, оказалась я.

– Я благодарю Бога, Маша, что там оказалась ты. И я тысячу раз в день готов повторять тебе – спасибо. Но это такая малость.

– Вадим...

– Не надо больше ничего говорить, Маша. Давай отпразднуем нашу встречу. Просто расслабься и все. Закажи себе то, чего душа желает... Помнишь, как ты говорила тогда, что очень любишь вкусно поесть. Надеюсь, твои пристрастия не изменились?

Я опять покраснела. Мне все время казалось, что слова его имеют двойкий смысл. И я боялась, что речь пойдет о других воспоминаниях.

Но Вадим был очень тактичен, и никаких замечаний по поводу моих периодических покраснений не делал, хотя, конечно, замечал их.

Поддавшись его очарованию, звучанию его тихого теплого голоса, я расслабилась, и мы довольно таки быстро заказали ужин. Подошел сомелье.

– Что будешь пить, дорогая?

Я вздрогнула от неожиданности.

– Не надо меня так называть.

Сомелье отодвинулся на два шага назад.

– Хорошо, дорогая.

– Вадим, я предупреждаю.

– Хо-ро-шо. Что будешь пить, до.., извини.

Сомелье начал было рассказывать об имеющихся у них шедеврах виноделия, но, я, уже раздраженная, резко оборвала его.

– Водку.

В глазах Вадима заплясали чертики, губы начали растягиваться в улыбке, но я так свирепо посмотрела на него, что он тут же закрыл рот.

«Какая к черту, водка. Боже мой, Маша, что ты делаешь. Ведь с тех самых пор, ты не пила ее. Ты хочешь повторения истории? Посмотри ему в глаза. Этот же вопрос застыл у него в глазах. Ответ себе честно. Ты хочешь снова оказаться в его объятиях? Ха-ха! Засмеялся кто-то противный во мне. Он тебе еще пока ничего такого не предлагал. А ты уже решила раздвинуть ножки? Значит, годы мечтаний о нем не прошли даром? Поэтому ты испугалась, увидев его. Нет, ты испугалась не его, ты испугалась своей слабости».

Но сомелье, почему-то, еще не ушел.

И я в отчаянии воскликнула.

– Я передумала. Водку не надо. Давайте красное вино, полусухое.

– Хорошо. А вам?

– Я буду то же, что и она.

Мы пили вино, он улыбался мне, а я все больше нервничала.

Вадим так смотрел на меня, что казалось, он видит меня уже всю изнутри, читает мои мысли.

– Не нервничай. Все хорошо, – улыбнулся тепло, ободряюще. Положил свою ладонь на мою.

Я хотела отдернуть руку, но он не позволил. Властно придавил своей ладонью, и в упор посмотрел на меня. Мысли

мои лихорадочно метались, ища правильные нужные слова, но ничего не приходило на ум. Я сидела, парализованная его прикосновением и взглядом. Сидела, уставившись на какое-то блюдо, боясь поднять на него глаза. Боясь выдать свои желания, снедаемая, разливающимся по телу огнем.

– Я так давно мечтал снова прикоснуться к тебе. Поцеловать. А как увидел, так сразу захотелось обнять. Не знаю даже, что меня остановило. А ты? Скучала ли ты по мне?

Внутри меня шла ожесточенная борьба природного зова тела и рассудка.

– Пойдем со мной.

Я подняла на него взгляд и пожалела об этом. Его взгляд заставлял меня. Глаза его стали черными от страсти.

Силы покинули меня, разум молчал, воля испарилась. Держа мою руку над столом, он уже приподнимался со стула. И я готова была последовать за ним.

Вдруг у стола появился Максим.

– Вадим, это срочно! – сказал он, быстро окинув нас взглядом, и протянул ему мобильный.

Вадим опустил мою руку, взял телефон, кивнул Максиму и ушел.

Еще минуту я просидела в оцепенении, а потом реальность вернулась ко мне. Мне стало стыдно за свою наивность, горечь заполнила рот, просилась из глаз.

– Как дела? – поинтересовался Максим.

Я поняла, что он наблюдал за мной.

– Хорошо, спасибо.

По его глазам, я видела, что он хочет еще что то спросить. И я хотела, чтобы он продолжил разговор, что бы полностью отвлечься от Вадима. Но он не решился. К столу быстрым шагом подходил Вадим. Лицо его было слегка озабоченным. Вадим наклонился ко мне и с улыбкой сказал:

– Милая, продолжим наш разговор у меня в номере.

Максим все еще стоял рядом с нами. Я проглотила горький комок во рту и улыбнулась.

– Нет.

Максим кашлянул и отошел.

– Почему? Я же вижу, ты хочешь того же, что и я. Мы так давно с тобой не виделись.

– Вадим! Я уже не та глупая молоденькая дурочка. Я не одна из твоих баб. Я взрослый самостоятельный человек, который своим трудом зарабатывает себе на хлеб. У меня своя семья, муж, свекровь. Свои мысли на будущее, ни коим образом с тобой не связанные. Пойми это. Мы с тобой два совершенно чужих человека. Да, мы были знакомы. Если надо, я скажу, что мне льстит знакомство с тобой, великим капиталистическим гением России. Да, у нас был секс. Ну и что? Такой же секс был у тебя и с другими бабами. А у меня с другими мужиками. Да, я спасла тебя. Оба счастливы. Ты – спасибо, я – пожалуйста. И все. Нас больше ничего не связывает. Только будущее деловое партнерство.

Вадим разозлился. Заходили желваки, сжались кулаки.

Лицо стало жестким и отчужденным.

– Все, говоришь?

– Все.

– Можешь передать своему шефу, Маша, что деловую встречу, ты провалила.

– Это не была деловая встреча!

– Для меня нет. А ты для себя решила, что да. Так что результат деловой встречи нулевой.

– Ты не сделаешь этого. Ты сказал днем, что завтра продолжишь переговоры с Виталием Андреевичем.

– Продолжение переговоров зависело от тебя, дорогая. Думаю, твой шеф это тоже прекрасно понимал.

– Нет. Я не шлюха, чтобы через постель решать деловые вопросы, – я вскочила, больно раненная его словами.

Вадим вдруг резко вздохнул и успокоился.

– Я знаю, что ты не шлюха. Извини меня. Сядь, пожалуйста. Я, и правда, повел себя по отношению к тебе не корректно. Ты простишь меня?

– Вадим, – очень трудно собраться с мыслями и найти правильные слова. Господи помоги мне, – Конечно, я прощаю тебя, в знак нашей былой дружбы. И еще...

– Дружбы? – усмехнулся Вадим.

Я решила проигнорировать его выпад.

– И еще, ты сказал, что выполнишь любое мое желание. Да?

– Да.

– Так вот, у меня есть одно такое желание.

– Слушаю тебя.

– Я хочу, чтобы мы с тобой остались друзьями. И чтобы никто из нас никогда не влезал в частную жизнь друг друга. Чтобы ты начал партнерские отношения с нашей компанией на равных условиях, без стратегических планов поглощения нас, как делает твой холдинг с другими компаниями.

– Тут, не одно, а целых четыре желания.

– Ты, тоже не говорил о возможности исполнить только одно желание. Считаю, мои желания тебе по силам. Я расцениваю их выполнение, как проявление твоей благодарности ко мне.

– Я восхищаюсь тобой. Ты не только поумнела, а стала хитрой, как лиса. Нет. Ты стала мудрой и очень привлекательной женщиной.

– Спасибо за комплимент. Так как насчет твоей благодарности?

– Даю слово бизнесмена.

– Нет, так не пойдет. Дай слово друга.

– Даю, но с одним условием.

– В выражении благодарности не может быть никаких условий.

– Хорошо. Пусть это будет моей просьбой к тебе, моему другу.

– Что за просьба?

– Да не напрягайся ты так. Я хочу, чтобы ты, как мой друг,

иногда обедала или ужинала со мной.

Я подумала немного. Чем это может мне грозить? Я буду обедать с ним только на людях.

– Принимается. Но только на людях.

– Но в независимости от того, где это происходит.

– Как это понять?

– Это может быть в этом городе, может быть в другом.

– Это принимает характер условий. Я согласна иногда обедать или ужинать с тобой в этом городе. Отправляться куда-либо с тобой я не намерена.

– Но мы же с тобой будем не только друзьями, мы будем еще и деловыми партнерами. В бизнесе, Маша, младший деловой партнер всегда едет на встречу к старшему деловому партнеру. Один мой головной офис находится в Москве, а второй в Питере. Так что, тебя впереди ждут командировки.

– Вадим. Твоим деловым партнером будет Виталий Андреевич. И еще у него есть более компетентные в вопросах бизнеса заместители. Я всего лишь наемный работник, простой исполнитель мелких поручений. Я не езжу в командировки.

– Считаю, что спор на эту тему не уместен. В принципе, мы с тобой обо всем договорились. Поэтому считаю справедливым немного расслабиться и погулять нам с тобой по городу.

Я уже сама устала от препирательств с ним, поэтому легко согласилась.

Мы немного погуляли с ним по набережной. Максим все время держался на некотором расстоянии от нас.

Сначала просто шли рядом молча. Потом Вадим сказал:

– Почему бы тебе не распустить свои волосы, как раньше.

Я потрогала туго стянутый заколкой пучок волос.

– Мне так удобнее.

– А с распущенными, ты бы стала красивее и раскованнее.

– А мне это нужно?

– А тебе это совсем не нужно? – вопросом на вопрос ответил мне Вадим.

Я остановилась у моста, отвернулась от Вадима и наклонилась к каналу. Вода дыхнула на меня острым запахом тины. Не отвернувшись, продолжая вдыхать этот запах, я стала смотреть вдоль канала. Здесь вода была закована в благоустроенные человеком берега. Зеленый дерн радовал глаз, но накрепко сковал реку в рамки канала. Через пятьсот метров, канал заканчивался огромной трубой, через которую вода с диким грохотом и тысячей искрящихся брызг вливалась в широкую реку. А та река была свободной. Вольной затоплять или размывать берега... Вольной на все.

Мне захотелось... очень захотелось распустить свои волосы. Но что-то удерживало меня. Толи привычка, то ли желание сделать наперекор Вадиму.

Но Вадим вдруг сам взял и сдернул заколку с моих волос.

– Больно! – вскрикнула я. Повернулась к нему с гневным лицом.

– Зато как красиво, – тихо сказал Вадим и пошел дальше, принуждая меня следовать за ним.

Непонятно откуда взялся теплый летний ветер. Растрепал мои волосы. Я остановилась, пытаюсь привести их в порядок. Но ветер как будто задумал поиграть с ними и закрутил вокруг меня настоящий вихрь. Вадим смотрел, как я борюсь со своими волосами и задумчиво произнес:

– Русые волосы по ветру.

Догнать бы, понять бы,

Как шелк или атлас...

Я прекратила борьбу и уставилась на него в недоумении.

– Ты читаешь стихи?

– Да.

– Чьи они?

– Мои.

– Ты серьезно?

– Как никогда. Только что придумал. Ты стала моим вдохновением.

– Не могу поверить, что олигарх Кузнецов способен придумывать лирические стихи.

– Не иронизируй, – сказал он жестко, схватив меня за предплечье. Его черные глаза впились острым взглядом в мои. Что они там хотят увидеть? Я отвернулась. Он дернул меня за руку, заставляя смотреть на себя. Я вспомнила кто передо мной. Конечно, мне не следовало забывать об этом.

Тут перед моими глазами возник образ Тимура, смотря-

щего в окно, ожидая меня. Какой стыд. Я ни разу не вспомнила о нем за этот вечер.

– Мне пора домой, – заспешила я. Посмотрела на часы, уже 11 вечера.

– Побудь со мной еще, – его глаза смотрели уже с мольбой на меня.

– Мне, правда, давно уже пора быть дома. Меня ждет муж.

– Ты не замужем, у тебя нет кольца.

– Разве отсутствие кольца говорит о том, что человек не замужем?

– Отсутствие кольца у Человека говорит о том, что он не женат или по каким-то причинам хочет казаться неженатым. А отсутствие кольца у женщины, в 99, 9 % случаях говорит о том, что она не замужем. Замужние женщины любят подчеркнуть, что они замужем.

На сердце лег неприятный осадок от его слов.

– Значит я – тот оставшийся один процент.

– Нет. Просто ты неумело обманываешь.

– Я замужем. У нас гражданский брак. Меня ждут муж и свекровь.

– Она как. Хорошо. Я провожу тебя. Ты познакомишь меня с ними?

– Нет. Мы договорились с тобой не лезть в жизнь друг друга.

– Ты представишь меня как друга, вот и все.

– И ты думаешь, моя семья поверит, что ты можешь быть

моим другом?

– А ты, сама веришь в это?

– Вадим, мы договорились, что будем вести себя как друзья.

– Хорошо, хорошо. Максим отвезет тебя домой.

Мы довезли Вадима до отеля. Уже, когда он выходил из машины, я вспомнила про работу.

– Ах да, Вадим Александрович, во сколько вы сможете встретиться завтра с Виталием Андреевичем?

Вадим долго смотрел на меня. Потом его взгляд стал жестким и неприятным.

– Завтра в 14:00 я жду Виталия Андреевича у себя, в бизнес-центре отеля. Пусть захватит финансовые отчеты за последние три года.

Закрыв дверь и ушел, уверенной походкой вершителя судеб.

Несколько минут, мы молча сидели в машине, наблюдая за Вадимом. О чем думал Максим, я не знаю. А у меня было как то тягостно на душе, не было счастливой эйфории от встречи.

Когда осталось сто метров до моего дома, я попросила остановиться. Попрощалась. Вышла из машины и уверенно зашагала к чужому дому. Выбрала подъезд, на котором висела старая не запирающаяся дверь, и вошла во тьму.

Когда глаза привыкли к крошечной темноте, я опасливо нащупала лестницу и поднялась на этаж повыше, решив по-

смотреть в окно.

Машина стояла на том же месте.

Только я успела отпрянуть от окна, как услышала тихий скрип открывающейся входной двери.

– Маша! – услышала я голос Максима, – хватит ребячества. Опасно находиться ночью одной в грязном незнакомом подъезде. Выходи, я довезу тебя до дома.

Краска стыда залила мне лицо. Опять, я оказалась в глупом положении. Как он догадался.

Я тихо спустилась. Не глядя на него, прошла мимо, открыла дверь и направилась к машине.

Помогая мне сесть в машину, Максим прошептал:

– Если не хочешь идти домой, мы можем покататься по городу.

Я вздрогнула от неожиданности.

– Нет.

Молча доехали до моего дома.

– До свидания.

– До завтра, Маша.

Я постояла немного, провожая машину взглядом. Потом подняла голову и посмотрела на свои окна. Свет в них не горел.

«Слава Богу».

Тихо зашла в квартиру, не зажигая свет, скинула туфли и на цыпочках направилась в свою комнату. В моей комнате, в

темноте сидел Тимур. Я даже вскрикнула от неожиданности. Дело в том, что он избегал заходить сюда, давая понять, что не признает меня членом семьи.

Сердце мое наполнилось радостью и нежностью к нему и... как ни странно, болью.

– Тимур...

– Ничего не говори. Посиди со мной.

Подошла и села на свою кровать. Он молчал, и я молчала.

– Ты пила вино.

Это было обвинение или просто констатация факта? Я не поняла, так была удивлена его поведением.

– Да. Немного.

– Я знаю. Ты никогда не позволяешь себе лишнего. Почему ты со мной, Маша?

– Потому что...

– Почему? – злость и боль раненного зверя слышались в его голосе.

Людиинииии! Вы не представляете как мне было тяжело ответить на его вопрос. Что двигало мной? Любовь? В последние годы я только и твердила себе, что да, я люблю Тимура, поэтому я с ним. Но сегодняшний день заставил меня усомниться в этом. Чувство вины? За что? Разве я была виновата за изуродованную на войне жизнь Тимура? Но я чувствовала себя виноватой. Уже давно я взяла ответственность за дальнейшую жизнь Тимура на себя и сейчас не могла отступить.

– Потому что, люблю.

Он усмехнулся.

– Докажи мне это.

– Как еще я должна доказать тебе свою любовь?

– Ты же считаешь меня своим мужем, не так ли?

– Да.

– А как доказывают жены свою любовь мужьям?

«Боже. Они что, все с ума что ли по сходили сегодня?»

– Хорошо. Как ты себе это представляешь?

– Я решу как, а пока начнем.

Кадык мой судорожно дернулся. Я не ожидала от него этого. Но как говорится, назвалась груздем...

Я начала раздеваться. Тимур включил ночник.

Я говорила себе: «Так надо. Этим ты докажешь ему свою любовь». Но я чувствовала себя покорной овцой идущей на резню. И все равно шла.

Разделась и встала перед ним.

– Ложись на кровать.

Я легла.

Он так же нервничал, как и я. Его рука дрожала, когда коснулась моей груди. Он сжал ее и... заплакал. Я кинулась к нему, обняла, прижала его голову к своей груди.

– Миленький мой, любимый. Я твоя, слышишь? Я твоя жена. И я буду любить тебя. Не плачь, пожалуйста, солнышко. Миленький мой, хочешь, я буду целовать тебя везде, где ты захочешь? Я дарю тебе свое тело. Я буду доставлять те-

бе наслаждение, как только ты позовешь меня. Мы сможем. Поверь мне.

Я шептала ему и шептала. Взяла его руки в свои и проводила по своему телу.

– Ты не обманываешь меня?

– Никогда! Не обманывала, не обманываю, и не буду обманывать.

– И ты всегда скажешь мне правду, какой бы она не была?

– Всегда.

– Люби меня, пожалуйста. Ты нужна мне.

Я помогла ему лечь в мою кровать.

* * *

По моим ногам что-то ползало, я старалась отбросить неведомое мне существо. Начала просыпаться и в одно мгновение поняла, что это вовсе не страшное существо из снов, и не насекомое, это руки, человеческие руки. Оцепенев, я лежала, боясь открыть глаза, подавляя подступающую тошноту. А руки гладили мои ноги, дрожали, поднимаясь, все выше. Готовая закричать, я открыла глаза и тут же потная ладонь зажала мой рот. Я начала задыхаться, укусила его за ладонь, закричала... и проснулась. Во все глаза глядела в темноту, старалась понять сон это или явь. Мои воспоминания, которые я изгоняла днем, проникали в сознание в снах.

Он был почти старик, толстый, лысый и вечно потный. Он все время облизывал свои губы, отчего мне всегда станови-

лось противно находиться рядом с ним. Некоторые девчонки шептались, что он может помочь им не ходить на физкультуру, а то и пару недель поплевать в потолок в городской поликлинике. Тогда я поняла, какой ценой доставались им эти справки, конфеты, маленькие женские безделушки, о которых так мечтают подрастающие молодые девушки.

– Ах, ты сучка, шкодница! Молчи маленькая дрянь. Ну что ты, что ты, моя красавица, я не сделаю тебе ничего плохого. Что хочет моя малышка, шоколадку, помадку? Ты только скажи.

Он весь дрожал и задыхался, то грозился, то пытался быть ласковым. Старался удержать меня, бил по щекам. А я, двенадцатилетняя, маленькая, беззащитная девочка дралась с ним, захлебываясь в слезах.

В какой-то момент, я начала понимать, что это сон. Что это во сне явились ко мне страшные воспоминания. Продолжая еще пребывать во сне, я заставляла себя проснуться. Дергалась. Щипала себя, била по щекам. Проснулась.

Лицо залито слезами, горькими и злыми. Я отгоняла воспоминания прочь, ведь меня прежней уже не существовало. Они не имели права тревожить меня. Прочь! Прочь из головы неприятный сон. Я не позволю себя сломать!

Я сильная взрослая женщина. Я дышу полной грудью. У меня все есть: дом, работа, семья, любимый мужчина. Все!! Ногти мои вонзались в ладонь, пока я сжимала кулаки, заставляя себя встряхнуться и поверить во все это.

Тимур спал. У меня скрежетали зубы. Я убежала в ванную. Посмотрела на себя в зеркало. К горлу подступала тошнота. Мне хотелось, что бы меня вывернуло и все прошло. Но не получалось.

Смотрела и называла себя чудовищем. Проклинала и жалела себя одновременно.

«Почему?» – спрашивала я себя. А отвечать не хотела.

«Все уже давно решено».

«Все, вопрос закрыт».

После прохладного душа, голова прояснилась, и я вышла из ванной с улыбкой.

Заглянула к себе в комнату, Тимур спал, блаженно улыбаясь во сне, обнимая вместо меня подушку. Даже то небольшое, что мы смогли вчера, сделало его счастливым.

На кухне за столом меня ждала Валентина Михайловна. Вы не поверите, она вся лучилась счастьем. Она приготовила для меня завтрак и все пыталась заглянуть мне в глаза. Мне было неловко, и я старательно отводила взгляд.

– Маша!

Мне пришлось посмотреть на нее прямо.

Ее глаза смотрели на меня с благодарностью и были слегка влажными от слез.

– Спасибо тебе, доченька.

Столько любви было в этих словах.

«Я не заслужила этого».

– Валентина Михайловна...

– Не надо, Маша. Ничего не говори. Ты и не должна ничего объяснять. Я все понимаю, доченька. Я сама женщина. Поэтому, готова встать перед тобой на колени и просить тебя.

– Что вы говорите, Валентина Михайловна?

Валентина Михайловна встала со стула, и я увидела, что она на самом деле хочет опуститься на колени. Я кинулась к ней, останавливая ее.

– Валентина Михайловна, прошу Вас, не делайте этого. Не унижайте ни себя, ни меня.

– Доченька. Я очень благодарна тебе за все, что ты делаешь, и сделала этой ночью.

Краска стыда бросилась мне в лицо. Я не хотела обсуждать это с ней.

Я усадила ее, плачущую, за стол, обняла и гладила по спине, стараясь успокоить.

– Тише, Валентина Михайловна, Тимур услышит.

– Доченька, Машенька. Я так тебе благодарна. Пожалуйста, только не покидай его теперь.

Сердце мое сжалось от боли. В голове застучал молоток. Верно, говорят, сердце матери – вещун.

Но я не покидаю их! Это решено раз и навсегда. Но, вчера... Вчера в твое сердце закралось сомнение. По твоему телу пробежала волна желания, затуманивая рассудок. Желания к Вадиму. Дикое, звериное желание ощутить вкус его губ, вспомнить силу его рук, ощутить его желание в себе.

Господи, прости грехи наши.

– Я всегда буду с вами, Валентина Михайловна. Я люблю Тимура. Я всегда говорила вам это.

Есть мне уже не хотелось. Быстро собралась и ушла на работу. Вчера, я оставила свою машину у офиса. И теперь мне пришлось добираться в переполненном автобусе. Когда я вошла в офис, было уже 20 минут десятого.

Мой шеф очень щепетильно относится к дисциплине в офисе. И я ждала нагоняя, торопливо идя к своему кабинету. Наша прелестная секретарша Настя при виде меня скорчила дикую рожу, сигнализируя мне, что шеф не доволен.

– Привет. Он уже спрашивал тебя три раза.

– Привет, спасибо, дорогая. В конце концов, он мог бы позвонить мне на мобильный.

– И то верно.

Забросив сумку в свой кабинет, я пошла к шефу, изнывающему от нетерпения.

– Доброе утро, Виталий Андреевич!

– Доброе, доброе, если доброе? Ну, рассказывай.

– Рассказывать особенно нечего. Но новость есть. Он ждет вас сегодня в 14:00 в бизнес-центре гостиницы с отчетами за последние три года деятельности.

Шеф вздохнул с облегчением и тут же кинулся звонить финансовому директору.

Я уже было собралась выходить, как он остановил меня.

– Подожди. Ты расскажи, как прошла встреча. Что под-

сказывает тебе твоя интуиция?

– Мне нечего вам рассказать. Встретились, поужинали, договорились о встрече и разошлись. Он почти не задавал вопросов о нашей компании, больше интересовался достопримечательностями города. А насчет интуиции... Так вот, интуиция мне подсказывает, что вы зря решили связаться с ним. Это все. Без комментариев.

– Нет, ты уж прокомментируй!

– Это не комментируют. Ладно... не может ли оказаться так, что он связан с криминальными структурами? Я не знаю. В инете есть парочка статей про его компании.

– Нельзя верить всему, что пишут. Соврут не дорого возьмут. Про криминал она мне говорит. Да 80% всех наших бизнесменов вышли из криминала. Вышли и облагородились.

– Виталий Андреевич, как говорит народная мудрость, дыма без огня не бывает.

– Ладно, давай иди, работай. Это не тебе решать.

И я вышла.

В моем кабинете звонил телефон.

– Ало?

– Привет, – голос Тимура слегка дрожал от волнения.

– Привет, родной.

– Я... просто звоню...

– Я очень рада, что ты позвонил мне.

– Мне захотелось услышать твой голос.

– Я всегда рада слышать твой.

– Вчера...

– Тимур! Вчера... все нормально. Так и должно быть пока.

– И я рад. Если ты меня понимаешь. Ты не задерживаешься сегодня?

– Не должна.

– Я буду тебя ждать.

– До встречи, родной.

«Вот он – моя судьба. И хватит думать про другого».

Телефон зазвонил опять.

– Ало?

– Привет, дорогая.

– Привет. Ты мне обещал, что не будешь звать дорогой.

Мы друзья. Ты забыл?

– А разве друзья не называют иногда друг друга приятными словами?

– Я не собираюсь дискутировать с тобой.

– Умно. Никому еще не удавалось победить меня в этом вопросе.

– Ты звонишь по работе? Есть изменения по графику встречи?

– Нет, изменений нет. А если бы и были, то об этом тебя уведомили бы мои сотрудники. Просто захотелось услышать твой голос.

«Что происходит на свете? Как будто все с цепи сорвалось».

– Ну вот, услышал.

– Ты сердишься, за что-то на меня?

«Я сердилась все эти годы, когда ждала тебя. Все надеялась и сердилась. А сейчас мне все равно».

– Нет.

– А мне кажется, сердишься. Поэтому, чтобы вымолить у тебя прощения, я хотел бы пригласить тебя сегодня на ужин.

– Нет.

– Да.

– Я не смогу.

– Ты обещала мне, что будешь обедать со мной.

– Вадим. Сегодня я не смогу. Прошу тебя не настаивай, если ты не хочешь разрушить мою жизнь.

Он молчал.

– Вадим, поговаривали, что ты приехал в наш город ненадолго.

– Ты хочешь, чтобы я побыстрее уехал от сюда? Мне обидно слышать от тебя эти слова. Ведь я задерживаюсь здесь из-за тебя.

– Из-за меня? Не надо из-за меня. Я не стою таких жертв.

– Маша, нам надо поговорить.

– Я знаю. Но только не сегодня.

– У тебя сегодня особенный день?

– Нет, но я хочу его сделать особенным.

– Хорошо. До завтра.

– До свидания.

И тишина вокруг. Господи! Ну почему, ты решил именно

сейчас привести ко мне Вадима? Почему?!

В дверь постучали. Открыла, а там стоит веселая, но слегка растерянная Настя и указывает...

У нас в приемной стоит Максим, а на полу перед ним огромная корзина нежно-розовых роз. Боже, какая красота! А у Максима все такой же удивленный взгляд.

– Привет. Это тебе.

– Привет. У меня сегодня не день рождения.

– А это просто так. От души.

– От тебя?

– Упаси господи.

– А что так? Хочешь сказать, что я не в твоём вкусе?

Максим сглотнул, дернулся куда-то, оглянулся, посмотрел жалобно на Настю. И снова удивленно на меня.

Мне хотелось увидеть, как он выкрутится. Но, почему то, я пожалела его.

– Извини, – сказала я, – не хотела тебя смутить. И знаешь, передай ему, что я не люблю цветы. У меня на них аллергия. Если не трудно забери их назад.

– Мое дело доставить цветы и вручить их тебе. Все остальное меня не интересует.

Повернулся резко и чуть ли не бегом ушел. Ну что же, он прав.

Настя вопросительно смотрела на меня.

– Даже не спрашивай ничего. Сама ничего не знаю и не понимаю. Лучше помоги выкинуть их, пока народ на обеде.

– С ума сошла? Такую то красотищу?

– Хочешь, забирай себе.

– Значит, ты знаешь от кого эти цветы, но нарочно не хочешь их принимать.

– Настя, ты же моя подруга. Прошу тебя, помоги мне. Или забирай их себе. Или давай избавимся от них. И еще, пожалуйста, держи рот на замке.

– Машка. Как рыба. Цветы забираю себе. Пойдем, погрузим их в мою машину.

– Настасья, ты чудо.

* * *

– Вадим, цветы доставил.

– Спасибо, Максим. Я решил задержаться здесь немножко. Пока не знаю на сколько. Позвони ребятам, пусть пригонят сюда мой майбах. Не нравится мне ездить на твоём рове-ре. Да и дороги здесь вроде ничего. Сойдет для провинции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.